

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЫТКАМ

ЭКСТРАДИЦИЯ, ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ И ВЫДВОРЕНИЕ ЛИЦ
В СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

AMNESTY
INTERNATIONAL

Amnesty International – всемирное движение, объединяющее свыше трёх миллионов человек в более чем 150 странах и территориальных образованиях. Члены, сторонники и активисты организации выступают за прекращение грубых нарушений прав человека.

Мы стремимся к тому, чтобы каждый мог пользоваться всеми правами, провозглашёнными во Всеобщей декларации прав человека и других международных стандартах в области прав человека.

Мы не зависим ни от каких правительственных структур и не руководствуемся какими бы то ни было политическими убеждениями, экономическими интересами и религиозными воззрениями. Основную часть средств организация получает за счёт членских взносов и добровольных пожертвований.

AMNESTY
INTERNATIONAL

Впервые опубликовано в 2013 году
Amnesty International Ltd
Peter Benenson House
1 Easton Street
London WC1X 0DW
United Kingdom

© Amnesty International 2013 год

Индекс: EUR 04/001/2013 Russian
Язык оригинала: английский
Printed by Amnesty International,
International Secretariat, United Kingdom

Все права защищены. Данная публикация охраняется авторским правом, однако может бесплатно воспроизводиться в правозащитных целях, для проведения кампаний и в целях обучения, но не для перепродажи. Любое использование всегда должно быть предварительно согласовано с правообладателями для оценки воздействия. При воспроизведении в иных целях, при переводе на другие языки либо адаптации требуется предварительное письменное согласие издателей, и может взиматься плата. Для получения разрешения, а также по другим вопросам просьба обращаться по адресу: copyright@amnesty.org

Фото на обложке: Следственный изолятор в Кыргызстане; одно из нескольких учреждений, куда помещают лиц, возвращаемых в государства Центральной Азии.
© fergananews.com

amnesty.org

СОДЕРЖАНИЕ

Сокращения.....	5
1. Введение	8
1.1 Об этом докладе	10
2. пытки и другие виды жестокого обращения в странах Центральной Азии	12
3. Международное право в области прав человека против региональных соглашений в сфере безопасности	15
3.1 Полный запрет на возвращение людей в места, где им грозят пытки и другие виды жестокого обращения	16
3.2 Региональные соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности	17
3.2.1 Соглашения Шанхайской организации сотрудничества	18
3.2.2 Минская конвенция	19
3.2.3 Кишинёвская конвенция	20
3.2.4 Двусторонние соглашения	20
4. Сотрудничество и сговор между властями стран СНГ	21
5. Возвращение к пыткам	24
5.1 Нарушение процедур экстрадиции	24
5.1.1 Удовлетворение неправомерных ходатайств об экстрадиции	25
5.1.2 Игнорирование угрозы пыток и жестокого обращения по возвращении	26
5.1.3 Готовность полагаться на дипломатические гарантии	28
5.2 Незаконные выдачи	32
5.3 Произвольное продление срока задержания до момента высылки	41
6. Недостаточная защита просителей убежища и беженцев от экстрадиции.....	47
6.1 Возвращение к пыткам просителей убежища и беженцев	47

6.2 Роль УВКБ ООН в обеспечении доступности международной защиты.....	50
7. Выводы и рекомендации.....	55
7.1 Выводы	55
7.2 Рекомендации	55
8. Приложение 1: Краткое изложение вопросов, вызывающих беспокойство Amnesty International в связи с пытками и жестоким обращением в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане.....	58
8.1 Казахстан	58
8.2 Кыргызстан.....	61
8.3 Таджикистан.....	64
8.4 Туркменистан	67
8.5 Узбекистан	69
Примечания	72

СОКРАЩЕНИЯ

СНГ	Содружество независимых государств. В состав организации входят следующие республики бывшего СССР: Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан.
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
Силовые структуры	В настоящем докладе этот термин относится ко всем правоохранительным органам, находящимся в ведении Министерства внутренних дел, а также к органам государственной безопасности.
УВКБ ООН	Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), действуя под руководством Генеральной Ассамблеи ООН, предоставляет международную защиту беженцам и другим лицам, подпадающим под действие устава, изыскивает окончательное разрешение проблемы беженцев путём оказания содействия правительствам и наблюдает за соблюдением условий договоров, касающихся беженцев, согласно своему уставу от 1950 года. ¹ Надзорные функции УВКБ ООН также отражены, помимо прочего, в статье 35 Конвенции о статусе беженцев 1951 года и статье 2 Протокола, касающегося статуса беженцев 1967 года.
Конвенция о статусе беженцев	Конвенция ООН о статусе беженцев от 1951 года и протокол к ней от 1967 года.
Статус беженца по мандату УВКБ ООН	Беженцы по мандату признаны УВКБ ООН имеющими право на международную защиту в соответствии с мандатом УВКБ. Принимая решение о предоставлении статуса беженца, УВКБ ООН рассматривает следующие факторы: отвечает ли ситуация данного лица критериям, перечисленным в определении беженца в тексте Конвенции 1951 года, и если нет, то отвечает ли она более широким критериям, перечисленным в определении беженца в Уставе УВКБ ООН.
МВД	Министерство внутренних дел
ФМС	Федеральная миграционная служба Российской Федерации
ЕСПЧ	Европейский суд по правам человека — международный судебный орган, учреждённый в 1959 году. Суд рассматривает жалобы отдельных лиц и государств на нарушения гражданских и политических прав, закреплённых

в Европейской конвенции о защите прав человека. С 1998 года суд заседает на постоянной основе и принимает жалобы непосредственно от индивидуальных заявителей. Решения суда имеют обязательную силу для государств. Государства-участники обязались выполнять решения суда и принимать общие меры для предотвращения аналогичных нарушений в будущем.

ЕКПЧ	Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод
Предварительные меры в соответствии с правилом № 39	Европейского суд по правам человека дает указание о применении предварительных мер в соответствии с правилом №39 Регламента суда. В случае экстрадиции или депортации лица, Суд отдаёт распоряжение государству об отсрочке выдворения лица до вынесения решения по его делу Европейским судом с целью предотвращения непоправимого ущерба.
КПП	Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания
УПК	Уголовно-процессуальный кодекс
МПГПП	Международный пакт о гражданских и политических правах
Принцип отказа от принудительного возвращения лиц	<i>Non-refoulement</i> : Принцип отказа от принудительного возвращения запрещает принудительную выдачу (<i>refoulement</i>) лиц в какую бы то ни было страну или территориальное образование, где существует угроза грубого нарушения их прав либо применения к ним прочих видов произвола (например, пыток и других видов жестокого обращения, внесудебной казни или насильственного исчезновения). Принцип отказа от принудительного возвращения является краеугольным камнем международного беженского права. Кроме того, принцип невозвращения прочно закреплён нормами международного права в области прав человека. Он чётко оговаривается в ряде международных соглашений в области прав человека и других правозащитных инструментах. Более того, государственные и международные суды, правозащитные органы и эксперты в области прав человека единодушно признают, что ряд базовых прав человека имеют своим следствием имманентное обязательство не выдавать лиц при наличии веских оснований полагать, что эти права с высокой вероятностью могут быть нарушены в случае депортации, высылки, экстрадиции, передачи, возвращения,

выдачи, переброски и прочих способов выдворения указанных лиц с территории того или иного государства. В таких случаях нормы международного права в области прав человека запрещают государствам выдворять данных лиц со своей территории. Согласно этому принципу, независимо от всех прочих соображений государства не освобождаются от ответственности «за какие бы то ни было предсказуемые последствия», наступающие для данного лица вследствие передачи из юрисдикции указанного государства. Кроме того, ответственность государств признавалась и в случаях опосредованного возвращения, также известного как «возвращение по цепочке», а также конструктивного возвращения. По мнению Amnesty International, принцип невозвращения, зафиксированный в статье 33 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года (Беженская конвенция) и во многих других международных инструментах, является частью обычного международного права. Как таковой, он применим ко всем государствам, — независимо от того, являются ли они участниками соответствующих соглашений.

Международная защита	Меры, принимаемые государствами, УВКБ ООН и другими в соответствии с нормами и стандартами международного права, с целью обеспечения и защиты прав беженцев, просителей убежища и лиц, которые не могут получить правовую защиту в стране происхождения или проживания. Такие меры, в частности, включают гарантии соблюдения принципа невозвращения и возможности обратиться за убежищем.
Экстрадиция	Передача предполагаемого преступника, как правило, в рамках положений договора или законодательства одним государством другому, обладающему юрисдикцией для рассмотрения данного дела в суде.
Центральная Азия	В настоящем докладе термин относится к следующим бывшим республикам СССР: Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану.
СИЗО	Следственный изолятор
ИВС	Изолятор временного содержания, находящийся в ведении министерства внутренних дел
Шестой отдел МВД	Управление по борьбе с организованной преступностью МВД Таджикистана

1. ВВЕДЕНИЕ

«Меня задержали [...] у станции метро «Университет» [в Москве] между девятью и десятью часами вечера... машина перегородила мне дорогу... Я побежал. Человек в штатском побежал за мной. Я не останавливался. Прогремел один или два выстрела... меня схватили. Я потребовал позвонить своему адвокату. Меня били, смеялись надо мной, ударили дубинкой. Затем подъехала большая машина. Меня затолкали в неё. Там сидели четыре–пять человек... Мне не давали оглядеться. Меня начали бить. Они говорили: «Мы убьём тебя!» К моей голове приставили пистолет и сказали, что если я не соглашусь вернуться в свою страну, меня убьют. Я согласился [вернуться в свою страну]. Человек, задававший вопросы, был из Таджикистана. Всю ночь и весь следующий день меня продержали в машине. Затем меня пересадили в меньший автомобиль с [российскими] ведомственными номерами, которые я не разглядел, и отвезли в аэропорт к самому самолёту. Потом меня передали таджикистанскому конвою. Билета я не видел. В самолёт меня посадили около полуночи. В четыре утра я прибыл в аэропорт Худжанда [Таджикистан]. [Таджикистанский] [к]онвой [...] меня избил. Чем они меня били, не знаю, потому что на голову мне натянули шапку, и я ничего не видел. Меня допрашивали без адвоката. Я не совершил никакого преступления.

Выдержка из письма 27-летнего таджикистанского просителя убежища Савриддина Джураева, которое он написал из таджикской тюрьмы своим адвокатам в Москве (Россия), после того как его похитили на московской улице 31 октября 2011 года.

Под предлогом обеспечения национальной безопасности государства—члены Содружества Независимых Государств (СНГ) всё чаще сотрудничают в вопросах возвращения людей в страны Центральной Азии, где последним всерьёз грозят пытки и жестокое обращение. Несмотря на то, что эти государства подписали международные соглашения в сфере прав человека, недвусмысленно запрещающие возвращать людей в страны, где им грозят пытки², государства СНГ в первую очередь³ руководствуются региональными соглашениями о сотрудничестве и взаимопомощи⁴, направленными на обеспечение национальной и региональной безопасности и борьбу с терроризмом. В таких региональных соглашениях очень мало места отведено гарантиям защиты прав человека.

Ситуация усугубляется тем, что исторически между государствами СНГ сложились тесные связи, поскольку до 1991 года они все входили в состав Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Представители старшего поколения сотрудников государственных органов, которые работают в министерствах внутренних дел, пограничных службах и спецслужбах, раньше работали или учились в России или других республиках бывшего СССР. Они говорят на одном языке, у них общая политическая культура и давние оперативные связи. Сейчас эти связи «выстреливают», когда силовые структуры одной страны СНГ тайно помогают силовикам из другой устроить быстрое возвращение на родину лиц, экстрадиции которых добиваются их коллеги, минуя судебные процедуры.

В настоящем докладе приводится множество примеров такого сотрудничества. Ходатайства об экстрадиции удовлетворяются на формальных основаниях, а людей высылают, и это притом, что запросы базируются на явно сфабрикованных и недостоверных уликах. Власти запрашиваемых государств не вникают в суть ходатайств об экстрадиции и не оценивают риск пыток, которым может подвергнуться человек по возвращении. Запрашиваемая сторона может, не задумываясь, принять от запрашивающего государства дипломатические гарантии неприменения пыток и жестокого обращения по возвращении. Силловые структуры устраивают совместные допросы на территории других стран СНГ. И самое страшное — силовики тайно содействуют похищениям и принудительному возвращению людей в страны, где их разыскивают для допроса.

Наиболее велика угроза пыток по возвращении в центрально-азиатские страны для тех, кто принадлежит или предположительно принадлежит к запрещённым исламским группировкам или исламистским партиям, а также для подозреваемых в терроризме, реальных или предполагаемых политических оппозиционеров (в том числе людей, подозреваемых в финансировании оппозиции) и предполагаемых членов запрещённых или незарегистрированных религиозных организаций. Чаще всего власти региона преследуют такие организации, как «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), «Союз исламского джихада» (СИД), «Хизб ут-Тахрир»⁵, и сторонников либо последователей салафизма, ваххабизма, идей турецкого богослова Саида Нурси и «Джамаата Таблиг»⁶. К другим группам риска относятся подозреваемые или обвиняемые в участии в беспорядках, а также правозащитники, журналисты, адвокаты, политические противники, оппозиционеры, бизнесмены и бывшие (зачастую высокопоставленные) представители руководства страны и силовых ведомств.

За последние два года власти **Казахстана, Российской Федерации и Украины** стали прилагать ещё больше усилий к принудительному возвращению членов и предполагаемых членов определённых группировок в **Таджикистан и Узбекистан**, несмотря на то, что там им реально грозят пытки и жестокое обращение.

Если за счёт вмешательства международных органов, в частности Европейского суда по правам человека, удастся приостановить официальную процедуру экстрадиции, страны СНГ порой идут на крайние меры, чтобы гарантировать возвращение человека в Центральную Азию, — похищение людей. Уже несколько лет сотрудники центрально-азиатских силовых структур на территории этих стран, а также в России и Украине беспрепятственно осуществляют или пытаются осуществлять похищения просителей убежища, беженцев и прочих граждан государств Центральной Азии. Учитывая регулярность, с которой это происходит, можно говорить о том, что в регионе действует чрезвычайная программа незаконной выдачи⁷ людей. Европейский суд по правам человека назвал это «полнейшим пренебрежением принципом верховенства закона».

Такая стратегия, к которой всё чаще прибегают страны СНГ, указывает на тревожную тенденцию, когда правительства демонстративно и безнаказанно попирают основные гарантии прав человека, оправдывая это угрозами национальной безопасности.

Хотя Amnesty International ничего не имеет против передачи людей для проведения судебного разбирательства, организация выступает против возвращения во всех случаях, когда имеется серьёзная угроза пыток и жестокого обращения. Ввиду глобального запрета на пытки и другие жестокие, бесчеловечные и унижительные виды обращения от правительств требуется предпринимать активные меры для их пресечения и предотвращения, для привлечения виновников к ответственности и эффективного возмещения вреда пострадавшим. Помимо того, что самим государствам запрещается прибегать к пыткам и жестокому обращению, правительствам не разрешается высылать, возвращать, экстрадировать и иными способами передавать людей в другие страны, если существуют все основания полагать, что там эти люди могут подвергнуться пыткам и жестокому обращению. Именно эта сторона запрета на пытки — принцип невозвращения — является основным инструментом предотвращения пыток, и именно он нарушается по всему миру⁸.

Соглашаясь депортировать, экстрадировать или иными способами вернуть человека в страну или территориальное образование, где ему серьёзно грозят пытки и жестокое обращение, правительство всегда действует незаконно. В соответствии с международным правом в области прав человека все люди, будь то беженцы, просители убежища, подозреваемые или обвиняемые в совершении уголовных преступлений либо террористических актов, имеют право на защиту от возвращения в страну, где им реально грозят пытки и жестокое обращение.

Эти тревожные тенденции возникают на глазах всего международного сообщества. Запреты Европейского суда по правам человека на возвращение разыскиваемых лиц нагло обходятся, и международное сообщество закрывает на это глаза. Комитет министров Совета Европы так и не призвал к ответу Россию и Украину за то, что те игнорировали предварительные меры Европейского суда по правам человека. А УВКБ ООН далеко не всегда обращает внимание на то, что некоторые государства постоянно пренебрегают своими ключевыми правозащитными обязательствами в угоду обеспечению безопасности в Центральной Азии.

Если правительства, межправительственные и международные организации продолжают ставить на первое место сотрудничество в сфере региональной безопасности, отодвигая на второй план соблюдение и защиту прав человека, всё больше людей в Центральной Азии окажется под угрозой пыток и жестокого обращения. Необходимо, чтобы требования об экстрадиции, поступающие из центрально-азиатских стран, перед удовлетворением проходили тщательную проверку, а у людей, которые хотят в справедливом суде оспорить постановление об экстрадиции, имелись для того все возможности. В конечном итоге именно суды должны решать, выдавать ли разыскиваемое лицо, и эти суды должны соблюдать стандарты в области защиты прав человека, а не подыгрывать силовым структурам и своим политическим хозяевам в угоду сохранению с ними хороших отношений.

1.1 ОБ ЭТОМ ДОКЛАДЕ

Доклад Amnesty International освещает проблемы экстрадиции и других форм насильственного возвращения в государства Центральной Азии: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, где применяются пытки и

жестокое обращение в местах содержания под стражей, по поводу которых организация неоднократно выражала свою озабоченность. Опасность экстрадиции и других форм насильственного возвращения в эти государства иллюстрируется на конкретных примерах того, какому обращению люди были подвергнуты в этих государствах. Доклад также содержит документальные свидетельства по делам многих людей, которые были возвращены в эти государства и отсутствие процессуальных гарантий или недостатки в надлежащей правовой процедуре в возвращаемых странах, в частности Казахстане, России и Украине, которые привели к возвращению. Доклад завершается рекомендациями в отношении каждого из государств, о которых идет речь, для реализации на внутригосударственном и международном уровнях, а также рекомендациями для международных организаций, которые имеют некоторое влияние на политику и практику по борьбе с терроризмом в этих странах.

Доклад основан на материалах, собранных в ходе исследовательских поездок в соответствующие страны в течение последних десяти лет, а также на широком спектре дополнительных исследований по вопросам экстрадиции, принудительного возвращения, пыток и других видов жестокого обращения и безнаказанности. В ходе этого исследования сотрудники Amnesty International беседовали с представителями международных правительственных и неправительственных организаций, региональных и национальных правозащитных организаций, адвокатами, специализирующимися по данной категории дел, учёными, а также лицами, пострадавшими от экстрадиции и принудительного возвращения, и их родственниками. В докладе не ставилась задача представить исчерпывающую информацию по вопросу, а, скорее, изложить наиболее характерные случаи, которые иллюстрируют озабоченность Amnesty International по основным проблемам. Amnesty International собрала документальные доказательства и предприняла действия по многим другим аналогичным случаям. Имена источников информации и индивидуальных лиц, в некоторых случаях не были раскрыты по соображениям конфиденциальности и безопасности. Amnesty International выражает особую благодарность НПО Институт прав человека за помощь, которую они оказали в период подготовки этого доклада.

2. ПЫТКИ И ДРУГИЕ ВИДЫ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

«Я понимаю, что Верховный Суд РФ [...] вынес постановление об экстрадиции меня в Республику Таджикистан в соответствии с Минской конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Однако здесь, в Таджикистане, были нарушены мои конституционные и гражданские права. Сотрудники правоохранительных органов бесконечно подвергали меня пыткам, психологическому давлению и зверскому сексуальному насилию...»

Цитата из письма в Генеральную прокуратуру РФ Мухаммада Ахадова — гражданина Таджикистана, которого в сентябре 2008 года экстрадировали из России в Таджикистан.

С 1991 года, когда бывшие союзные республики обрели независимость после распада СССР, Amnesty International пристально следит за положением с правами человека в центральноазиатских государствах: Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Имеются убедительные доказательства того, что во всех пяти центральноазиатских государствах сотрудники правоохранительных органов и спецслужб повсеместно применяют пытки и другие виды жестокого обращения с задержанными. За последние два десятилетия тысячи жителей региона жаловались на то, что их произвольно задержали и подвергли пыткам и жестокому обращению под стражей с целью выбить признание или получить деньги от их родственников. В указанный период в большинстве стран Центральной Азии были предприняты разрозненные меры по укреплению контроля за деятельностью правоохранительных органов и усилению защиты граждан в рамках системы уголовного правосудия. Однако ни одна из этих реформ не привела к прорыву в искоренении пыток и жестокого обращения, которые часто применяются к подозреваемым в общеуголовных преступлениях и регулярно — к политическим противникам и лицам, подозреваемым в экстремизме и терроризме либо участии в запрещённых религиозных организациях.

Повсеместная коррупция, поразившая правоохранительные и судебные органы в регионе, способствует поддержанию безнаказанности и порождает недоверие к системе уголовного правосудия. Люди, столкнувшиеся со злоупотреблениями, редко подают жалобы, потому что им отлично известно, насколько мала вероятность добиться правосудия или получить компенсацию. Многие не хотят свидетельствовать против сотрудников силовых структур из страха, что те отомстят либо им самим, либо их родственникам или близким им людям.

Во всех пяти республиках задержанных часто пытаются и подвергают жестокому обращению во время самых первых допросов, когда их удерживают под стражей без связи с внешним миром. Особенно высок риск пыток и жестокого обращения для лиц, обвиняемых в преступлениях против национальной безопасности или «религиозном экстремизме», которые попадают в закрытые следственные изоляторы спецслужб.

Суды охотно принимают в качестве доказательств сведения, полученные под пытками или в результате жестокого обращения. В этих странах постоянно нарушается принцип презумпции невиновности (закреплённый, однако, в законодательстве); особенно часто это наблюдается в делах, связанных с национальной безопасностью либо экстремизмом и терроризмом. Чиновники высокого ранга, выступая в государственных СМИ, зачастую ещё до начала суда объявляют подозреваемых преступниками. Во всех странах этого региона суд редко встаёт на защиту подсудимых, кто в ходе слушаний делает заявление о перенесённых пытках. Судьи редко идут против явно выраженной воли исполнительной власти⁹.

Это на этом фоне все пять стран продолжают требовать экстрадиции разыскиваемых лиц, причём с высокой долей уверенности. Они регулярно настаивают на выдаче своих политических противников, оппонентов правительства и опальных состоятельных людей¹⁰.

Власти Таджикистана и Узбекистана (реже Казахстана и Кыргызстана) зачастую

14 ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЫТКАМ

Экстрадиция, принудительное возвращение и выдворение лиц в страны Центральной Азии

просят сопредельные государства, Россию и Украину экстрадировать лиц, подозреваемых в членстве в запрещённых мусульманских движениях и исламистских партиях. К таким партиям относятся ИДУ, СИД, «Нурджулар» и «Хизб ут-Тахрир»¹¹. Также выдаются запросы на экстрадицию лиц, подозреваемых в причастности к беспорядкам, которые произошли в городе Андижан, Узбекистан,¹² в мае 2005 года и на юге Кыргызстана¹³ в июне 2010 года. Для лиц, подпадающих под это описание, опасность пыток и жестокого обращения особенно велика, однако Amnesty International не меньше волнует и судьба тех, кого экстрадируют или принудительно возвращают в страны Центральной Азии в связи с общеуголовными преступлениями¹⁴. Им также грозят пытки и жестокое обращение.

Тот факт, что у лиц, возвращаемых в центральноазиатские республики, есть все шансы подвергнуться пыткам и жестокому обращению, подтверждается многочисленными решениями Европейского суда по правам человека, который на указанных основаниях запрещает экстрадицию. Лишь за последние несколько лет Европейский суд по правам человека вынес несколько решений, в которых чётко говорится, что по возвращении на родину в Казахстан¹⁵, Кыргызстан¹⁶, Таджикистан¹⁷, Туркменистан¹⁸ и Узбекистан¹⁹ различным людям и особенно представителям вышеупомянутых категорий действительно грозят пытки.

3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРОТИВ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

«Причина — в тесном
сотрудничестве между
Узбекистаном и Кыргызстаном».

Так омбудсмен Кыргызстана объясняет, почему Кыргызстан собирается экстрадировать Хабибулло Сулайманова в Узбекистан, в своём интервью Форуму, проходившему с 18 по 28

января 2013 года. Омбудсмен признал, что «экстрадиция Сулайманова в Узбекистан приведёт к нарушению международных обязательств в области прав человека и испортит имидж Кыргызстана на международной арене».

3.1 ПОЛНЫЙ ЗАПРЕТ НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЮДЕЙ В МЕСТА, ГДЕ ИМ ГРОЗЯТ ПЫТКИ И ДРУГИЕ ВИДЫ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ

«Суд полностью отдаёт себе отчёт в том, с какими огромными трудностями сталкиваются в наши дни государства, защищая население своих стран от насилия со стороны террористов. Однако, даже учитывая эти обстоятельства, Конвенция полностью запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от поведения жертвы. [...] Так, если [...] данное лицо в случае выдворения столкнётся с реальным риском [пыток и жестокого] обращения, [...] деятельность лица, о котором идёт речь, какой бы нежелательной и опасной она ни была, не может приниматься в расчёт».

«Чахал против Соединённого Королевства» (*Chahal v. UK*), постановление Европейского суда по правам человека от 15 ноября 1996 года, параграфы 79–80

В международном праве действует абсолютный запрет на пытки и другие виды жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения (далее — жестокого обращения). Эта норма общего международного права распространяется на все государства, независимо от их специфических договорных обязательств. Она закреплена во многих международных соглашениях, в частности — в МПГПП и Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (КПП), к которым присоединились **Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан**, а также **Россия и Украина**.

В мире действует полный запрет на пытки: его действие нельзя как-то ограничить или приостановить даже во время войны, при угрозе войны, в состоянии внутренней политической нестабильности или при чрезвычайном положении. Никакие исключительные обстоятельства, включая угрозу теракта или насильственного преступления, не могут служить оправданием пыток и жестокого обращения. Государство обязано не только следить за тем, чтобы его собственные представители не прибегали к пыткам и жестокому обращению, но и защищать всех людей, оказавшихся в его юрисдикции, от подобных действий третьих сторон. Поэтому государствам запрещается высылать человека против его воли в другую страну, где ему реально грозят пытки и жестокое обращение. Об этом чётко говорится в статье 3 КПП: *«Ни одно Государство-участник не должно высылать, возвращать («refouler») или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьёзные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток».* Далее в конвенции описывается обязанность государства, получившего запрос, тщательно оценивать риск пыток в каждом отдельном случае: *«Для определения наличия таких оснований компетентные власти принимают во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая, в соответствующих случаях, существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека»* (выделение добавлено).

Европейский суд по правам человека во многих своих решениях отмечал, что из статьи 3 КПП, запрещающей пытки и другие бесчеловечные или унижающие

достоинство виды обращения, следует полный запрет на возвращение. Поэтому суд неизменно приходил к заключению, что статья 3 запрещает высылку, экстрадицию, выдачу, переброску и иные формы удаления из юрисдикции государства любого человека, если имеются веские основания полагать, что такому лицу действительно грозит нарушение статьи 3²⁰ в стране, которая добивается его выдачи. В деле «Чахал против Соединённого Королевства», создавшем первичный прецедент, суд постановил: что государства должны тщательно взвешивать риски для человека в случае высылки в запрашившую страну; что человека нельзя депортировать при реальной угрозе пыток и жестокого обращения; и что обеспечение национальной безопасности не может служить основанием для исключения из этого правила.

Применительно к беженцам и просителям убежища принцип невозвращения (non-refoulement) закреплён в статье 33 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года, а также в других инструментах международного беженского права²¹. В части 1 статьи 33 говорится, что *«договаривающиеся государства не будут никоим образом высылать или возвращать беженцев на границу страны, где их жизни или свободе угрожает опасность вследствие их расы, религии, гражданства, принадлежности к определённой социальной группе или политических убеждений»*. Все просители убежища заведомо рассматриваются как беженцы до тех пор, пока в результате рассмотрения их ходатайства в рамках справедливой и эффективной процедуры не будет доказано, что они не имеют права на международную защиту. Таким образом, просители убежища также могут рассчитывать на применение к ним принципа невозвращения, и их нельзя возвращать или высылать до вынесения окончательного решения о предоставлении статуса беженца (включая процедуры обжалования).

В части «F» статьи 1 Конвенции 1951 года о беженцах указано, что защита конвенции не распространяется на всех тех лиц, в отношении которых имеются серьёзные основания предполагать, что они совершили преступления в рамках международного права²², а часть 2 статьи 33 ограничивает действие запрета на возвращение людей, сформулированного в части 1 статьи 33²³. Однако, как говорилось выше, в соответствии с другими нормами международного права, государствам запрещается отправлять людей в те страны, где им действительно грозят пытки и жестокое обращение; этот запрет носит абсолютный характер и не имеет исключений, ограничений или условий в силу каких-либо причин. Поэтому, если лицо не может рассчитывать на защиту в соответствии с Женевской конвенцией о беженцах, на него распространяется защита, предоставляемая иными положениями международного права и не допускающая принудительного возвращения при наличии реальной угрозы пыток и жестокого обращения.

3.2 РЕГИОНАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

«Конвенция по Юридической Помощи по гражданским и уголовным вопросам, принятая в Минске в 1993 года и другие соглашения между странами СНГ и Шанхайское Соглашение по Сотрудничеству, содержат общие положения по защите от плохого обращения, а с другой стороны, они действуют более конкретно в области международного сотрудничества в области правопорядка. Результатом этого является фактическое отсутствие гарантий выполнения запрета на выдачу, предусмотренного в системе

международного права в случаях, когда человек может подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему честь и достоинство обращению».

Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках высказал свои опасения после визита в Таджикистан, состоявшегося в мае 2012 года²⁴.

В силу своего абсолютного характера запрет на возвращение людей туда, где им действительно грозят пытки и жестокое обращение, перевешивает любые обязательства по экстрадиции или условия иных соглашений о сотрудничестве между государствами²⁵. На практике же применительно к Центральной Азии наблюдается прямо противоположное. Центральнoазиатские государства и их соседи, в частности — Россия и Китай, в первую очередь соблюдают региональные отношения о сотрудничестве и взаимопомощи, особенно Шанхайские соглашения о сотрудничестве и Минскую конвенцию, которые, в основном, направлены на укрепление национальной и региональной безопасности и борьбу с терроризмом и не предусматривают практически никаких гарантий соблюдения прав лиц, которым грозит экстрадиция.

3.2.1 СОГЛАШЕНИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) — международный орган, созданный в 2001 году, в который вошли Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Секретариат ШОС официально открылся в Пекине в январе 2004 года, а региональная антитеррористическая структура — в Ташкенте (Узбекистан) в июне 2004 года²⁶.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года, к которой присоединились все шесть государств, призывает членов ШОС противодействовать «терроризму, сепаратизму и экстремизму», в том числе сотрудничать в поимке лиц, разыскиваемых по обвинениям в антигосударственных и террористических преступлениях, и экстрадировать их на родину. Принятая в 2005 году Концепция сотрудничества государств-членов ШОС фиксирует принцип «обоюдного признания», согласно которому участники автоматически признают деяния «терроризма, сепаратизма и экстремизма» (уже осуществлённые в одном из государств или только планируемые — даже если они не были совершены), независимо от того, включает ли законодательство государств-членов ШОС соответствующее деяние в ту же категорию преступлений и описывает ли оно его в тех же терминах²⁷.

В Декларации глав государств-членов ШОС, принятой в 2005 году в Астане (Казахстан), государства-участники приняли на себя обязательство не предоставлять убежище «лицам, обвиняемым или подозреваемым в совершении террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности»²⁸. Это особенно беспокоит Amnesty International, поскольку это фактически лишает возможности ходатайствовать о получении статуса беженца (а следовательно, права искать и получать убежище и защиту от преследования) всех тех, кто обвиняется или просто подозревается в «террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности» в странах ШОС, что нарушает Конвенцию о статусе беженцев. В декларации, как и в большинстве других официальных документов и соглашений ШОС, не содержится никаких отсылок к международным обязательствам стран-участниц, в том числе к принципу

невозвращения, закреплённому в Конвенции 1951 года о статусе беженцев, и полному запрету на пытки и жестокое обращение²⁹.

Соглашения, заключённые в рамках ШОС, заметно упростили экстрадицию беженцев в государства-члены, поскольку государства стремятся выполнять в первую очередь эти соглашения, а не свои международные обязательства в сфере прав человека и беженского права. По данным правозащитников из российского комитета «Гражданское содействие», *«с момента создания ШОС произошёл резкий рост числа экстрадиций беженцев в страны [СНГ], гражданами которых они являются»*³⁰.

Аналогично укрепилось сотрудничество между правоохранительными органами и силовыми структурами государств-членов ШОС, особенно в части поимки и задержания лиц, которых в связи с выдвинутыми против них уголовными обвинениями разыскивает другая страна-участница. Этому способствуют общие списки людей, разыскиваемых в связи с членством в запрещённых организациях или подозреваемых в членстве в запрещённых организациях либо обвиняемых в уголовных преступлениях. Такие списки ведутся и пополняются в региональной антитеррористической структуре ШОС в Ташкенте (Узбекистан). Информация о лицах, попавших в списки, держится в тайне и закрыта от общественного контроля. Она передаётся лишь силовым структурами и прокуратурам государств-членов ШОС. Поэтому крайне трудно проверить и оспорить достоверность персональных данных и выдвинутых уголовных обвинений.

В ноябре 2009 года Комитет ООН по правам человека в своих замечаниях к шестому периодическому докладу Российской Федерации как государства-участника МПГПП выразил обеспокоенность касательно экстрадиций и неофициальной передачи людей в рамках Шанхайской конвенции и призвал Россию *«проследить за тем, чтобы ни одно лицо, включая лиц, подозреваемых в причастности к терроризму, которое выдаётся или подвергается неофициальной передаче, будь то в контексте [ШОС] или за её рамками, не подвергалось опасности применения пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания»*³¹.

3.2.2 МИНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ

В 1993 году страны СНГ приняли Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минскую конвенцию)³², участниками которой являются Казахстан, Россия и Украина³³. В соответствии с данной конвенцией страны-участницы обязаны без дискриминации гарантировать на своей территории гражданам всех государств-членов СНГ соблюдение гражданских, политических, экономических и культурных прав и свобод в соответствии с общепризнанными международными нормами в области прав человека.

Наряду с этим, Минская конвенция предусматривает оказание государствами-участниками правовой помощи друг другу в делах, связанных с уголовными преступлениями, в том числе в делах об экстрадиции³⁴. Статьи конвенции, напрямую связанные с экстрадицией в рамках уголовного правосудия, имеют преимущественную силу по сравнению с более общими и расплывчатыми положениями о защите прав человека. В Минской конвенции отсутствует явный запрет

на экстрадицию людей в страны, где им грозят пытки и другие виды жестокого обращения. Как и в случае с Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в этих инструментах не предусматриваются признанные во всём мире принципы защиты беженцев, включая принцип невозвращения, а также закреплённый в международном праве абсолютный запрет на пытки³⁵.

3.2.3 КИШИНЁВСКАЯ КОНВЕНЦИЯ

Принятую в 2002 году Кишинёвскую конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам³⁶ ратифицировали лишь **Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан**; к ней не присоединились Россия, Украина и Узбекистан. В ней в явном виде перечисляются обстоятельства, при которых страна-участница может отклонить требование об экстрадиции.

В пункте «е» статьи 89, формулировка которой похожа на соответствующее положение Конвенции о статусе беженцев, говорится о том, что государство-участник может отказаться от выдачи обвиняемого в уголовном преступлении в страну происхождения, если *«имеются веские основания полагать, что запрос о выдаче связан с преследованием лица по признаку расы, пола, вероисповедания, этнической принадлежности или политических убеждений»*. Однако в Кишинёвской конвенции отсутствует в явном виде абсолютный запрет на возвращение при угрозе пыток и жестокого обращения.

3.2.4 ДВУСТОРОННИЕ СОГЛАШЕНИЯ

Между некоторыми из государств также действуют двусторонние соглашения. Особую озабоченность в контексте данного доклада внушает двустороннее соглашение между **Россией и Узбекистаном** о поездках граждан³⁷. В соответствии с этим соглашением, страны обязуются соблюдать законы друг друга при пересечении гражданами России и Узбекистана границы в пунктах пропуска, открытых для международного сообщения. В пояснительной записке к соглашению, подготовленной Министерством иностранных дел Узбекистана, говорится, что гражданам Узбекистана, выезжающим из России в страны, с которыми у Узбекистана установлен визовый режим, необходимо иметь в паспорте штамп «выездной визы». Это соглашение создаёт больше всего проблем беженцам из Узбекистана, стремящимся переехать в третьи страны.

4. СОТРУДНИЧЕСТВО И СГОВОР МЕЖДУ ВЛАСТЯМИ СТРАН СНГ

В предыдущем разделе мы остановились на том, что страны—члены СНГ охотно поступаются своими международными обязательствами в области прав человека ради регионального сотрудничества в сфере безопасности. Как демонстрируют примеры, приведённые в настоящем докладе, такое сотрудничество на практике доходит до готовности пренебрегать процессуальными нормами и, при необходимости, идти на преступления, чтобы обеспечить возвращение разыскиваемых лиц.

Крайними формами подобного сговора для нарушения прав человека являются случаи похищения и незаконной выдачи людей, описанные в разделе 5.2. Однако и без этого для возвращения разыскиваемых лиц в страны, где им действительно грозят пытки и жестокое обращение, а также для удержания их под стражей до тех пор, пока такое возвращение не станет возможным, часто применяются разного рода хитрости и уловки (см. разделы 5.1 и 5.3). Такое положение вещей было бы невозможно без злоупотреблений или попустительства целого ряда должностных лиц на разных уровнях и в разных органах власти (включая органы внутренних дел, миграционное ведомство, прокуратуру и суды), которые слишком часто идут на уступки.

Пособничество сотрудников судебных и правоохранительных органов в незаконном возвращении людей усугубляется сотрудничеством между спецслужбами стран—членов СНГ. Наиболее ярко это проявляется в описанных ниже случаях похищений. При этом утверждения властей о непричастности к таковым, а также о своём полном неведении не выдерживают никакой критики. В самом деле: как может разыскиваемый человек исчезнуть, едва выйдя из тюрьмы в одной стране, и вскоре появиться в тюрьме другой страны без участия (и тесного сотрудничества) спецслужб обеих стран?

Напротив, имеются многочисленные свидетельства того, что представители спецслужб одних стран СНГ допрашивают (и пытаются) лиц, задержанных на территории других государств — при явном согласии и содействии местных силовиков.

Один из таких примеров — дело 19-летнего трудового мигранта из города Наманган в Узбекистане по имени Абдусамат Фазлетдинов³⁸. Девятого декабря 2012 года он покончил с собой в камере московского СИЗО из-за угрозы экстрадиции в Узбекистан, где сотрудники Службы национальной безопасности (СНБ) пообещали пытать его. По данным российской правозащитной организации «Мемориал», седьмого декабря к Абдусамату Фазлетдинову и ещё четверым рабочим-мигрантам из Намангана, задержанным вместе с ним за месяц до этого, допустили троих сотрудников

узбекистанской СНБ. Они допрашивали их в камере в подвале и, по имеющимся сведениям, угрожали пытками (например, вырыванием ногтей), если те откажутся сознаться в принадлежности к запрещённой исламистской группировке и её финансированию. Им показали фотографии их знакомых из Намангана, которых арестовали в Узбекистане по тому же уголовному делу. У людей на фотографиях присутствовали следы избиений и жестокого обращения. По словам сотрудников СНБ, им предстояло провести до 20 лет в тюрьме. Сообщалось, что это до крайности напугало Абдусамата Фазлетдинова, и спустя два дня он совершил самоубийство. Его мать отрицает какую-либо связь сына с запрещёнными организациями. Всего через несколько дней (20 декабря 2012 года) сотрудники СНБ Узбекистана, насколько известно, посетили гражданина этой страны Латифа Жалалбаева, отбывающего наказание в колонии-поселении КП-12 в Калининградской области РФ. Как утверждает сам Латиф Жалалбаев³⁹, его отвели в подвал, где допрашивали и били, требуя рассказать им о группе людей из Намангана, которые якобы финансировали «джихадистскую» группировку в Узбекистане. Сотрудники СНБ, по имеющимся сведениям, угрожали ему, что после освобождения из колонии его экстрадируют в Узбекистан, где он «сгниёт в тюрьме». Один из них назвал Латифа Жалалбаева сообщником Абдусамата Фазлетдинова и сказал, что того уже убили в Москве, и что Латифа Жалалбаева ждёт та же участь. Латифа Жалалбаева избили настолько жестоко, что после этого он не мог передвигаться без посторонней помощи.

Сотрудники иммиграционной службы и правоохранительных органов Казахстана также помогают своим коллегам из Узбекистана. В мае 2008 года на выходе из офиса УВКБ ООН в центре Алма-Аты (Казахстан) полиция Казахстана задержала троих просителей убежища из Узбекистана⁴⁰. По словам задержанных, в отделении полиции их допрашивали вместе как казахстанские, так и узбекистанские силовики, угрожая принудительным возвращением в Узбекистан. Их отпустили на свободу лишь после коллективного вмешательства УВКБ ООН и НПО «Казахстанское международное бюро по правам человека».

Amnesty International регулярно получает информацию, в том числе напрямую от просителей убежища из Узбекистана и от их адвокатов⁴¹, что миграционная полиция Казахстана на протяжении последних десяти лет сотрудничает с узбекистанскими коллегами и передаёт информацию о просителях убежища и беженцах узбекистанским властям, включая их адреса, номера телефонов, отпечатки пальцев и фотографии. Благодаря этому узбекистанские власти начинают давить на родственников этих лиц в Узбекистане, чтобы те уговорили их вернуться «добровольно». В некоторых случаях родственникам даже оплачивают поездку в Казахстан, чтобы отыскать беженца и убедить его вернуться.

Нельзя сказать, что масштаб сотрудничества силовых структур стран-членов СНГ является чем-то удивительным. Действительно, с момента распада СССР прошло всего 20 лет. Между старыми коллегами сохранились связи. Их объединяет общая корпоративная культура и общее ощущение угрозы региону со стороны исламистских экстремистских группировок. Поэтому ведомства-наследники советского КГБ по-прежнему крайне тесно связаны друг с другом и, как видно из множества примеров, приведённых в настоящем докладе, нередко действуют как единая организация. Более того, другие страны чаще всего предпочитают не вмешиваться в подобную

практику, существующую в СНГ, поскольку правительства США, Европы и других стран также поощряют и поддерживают аналогичные формы сотрудничества между силовыми структурами и разведками по всему миру (в том числе в СНГ) как неотъемлемую часть собственных усилий по борьбе с терроризмом⁴².

5. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЫТКАМ

Политическая приверженность правительств стран СНГ региональному сотрудничеству в сфере безопасности и борьбы с терроризмом, их взаимная готовность удовлетворять ходатайства о выдаче реальных или предполагаемых политических противников и оппонентов, а также широкое сотрудничество силовых ведомств СНГ приводят к тому, что запросы об экстрадиции редко встречают отказ. Гораздо чаще им идут навстречу, весьма активно и даже незаконно. В большинстве случаев власти осуществляют это путём заведомого нарушения официальных процедур экстрадиции. Если речь идёт о государствах Центральной Азии этого, как правило, достаточно. А когда в связи с решениями Европейского суда по правам человека задерживается или осложняется экстрадиция лица из России или Украины, эти две страны всё чаще тайно помогают своим центральноазиатским коллегам в организации похищений и принудительного возвращения. Поступая таким образом, они игнорируют важнейшие гарантии, закреплённые в соглашениях об экстрадиции, подрывают авторитет Европейского суда по правам человека и, тем самым, сводят на нет усилия по защите прав человека, а также нарушают международный запрет на возвращение людей туда, где им действительно грозят пытки и другие виды жестокого обращения.

5.1 НАРУШЕНИЕ ПРОЦЕДУР ЭКСТРАДИЦИИ

Как уже говорилось выше, руководство многих стран СНГ утверждает, что экстрадировать подозреваемых в экстремизме и терроризме необходимо в целях укрепления национальной и региональной безопасности. Хотя привлечение к ответственности виновных в таких преступлениях, безусловно, очень важно, из этого правила имеются исключения. Эти исключения гласят, что интересы государственной безопасности нельзя ставить превыше фундаментальных прав человека. В особенности это касается людей, которым грозят пытки.

Так, в типовом договоре ООН о выдаче приводится перечень обязательных к исполнению оснований для отказа в выдаче⁴³. В статье 3 типового договора упомянуты следующие основания: если правонарушение рассматривается как правонарушение политического характера; если запрашиваемое государство имеет веские основания полагать, что просьба о выдаче сделана с целью судебного преследования или наказания лица по признаку расы, вероисповедания, гражданства, этнической принадлежности, политических взглядов, пола или статуса; если лицо, в отношении которого поступает просьба о выдаче, было или будет подвергнуто в запрашивающем государстве пыткам или жестокому обращению⁴⁴; если это лицо не обладало или не будет обладать правом на минимальные гарантии справедливого суда; если судебное решение в запрашивающем государстве вынесено *in absentia*⁴⁵. Многие из требований об экстрадиции, рассматриваемых в настоящем докладе, соответствуют целому ряду таких оснований для отказа, если не всем сразу.

5.1.1 УДОВЛЕТВОРЕНИЕ НЕПРАВОМЕРНЫХ ХОДАТАЙСТВ ОБ ЭКСТРАДИЦИИ

Amnesty International всерьёз обеспокоена тем, что власти государств–членов СНГ постоянно удовлетворяют требования об экстрадиции, поступающие из других стран содружества, несмотря на то, что многие из них явно основаны на недостоверных, противоречивых и сфабрикованных доказательствах. В особенности ярко это проявляется, когда Таджикистан и Узбекистан обращаются к России, Украине и Казахстану с ходатайством об экстрадиции лиц, которых они обвиняют или подозревают в принадлежности к запрещённым исламистским организациям или мусульманским движениям.

Так, власти Таджикистана обвинили Савриддина Джураева в причастности к деятельности исламистских организаций, запрещённых в Таджикистане. В 2006 году он бежал в Россию, а в 2009 году его арестовали в Москве на основании ходатайства об экстрадиции, выданного таджикистанскими властями в связи с тем, что в 1992 году он использовал *«начало гражданского противостояния и возникшего хаоса в республике с целью дестабилизации политической обстановки Республики Таджикистан и незаконного присвоения должностных полномочий государственных силовых органов»*⁴⁶. В 1992 году Савриддину Джураеву было семь лет (подробнее об этом деле см. на стр. 32). Несмотря на очевидную ошибку, Генеральная прокуратура РФ удовлетворила ходатайство о выдаче, и Савриддину Джураеву не удалось опротестовать это решение.

Казахстанские суды тоже без должной тщательности рассматривают жалобы на решения об экстрадиции в Узбекистан и не перепроверяют информацию, которую получают от узбекских властей, как, например, в деле Собира Носирова. Узбек по национальности, Собир Носиров вместе со своей семьёй в начале 2005 года уехал из Узбекистана в Россию на заработки. В июле 2011 года его задержали в Казахстане на границе с Россией в связи с ходатайством Узбекистана об экстрадиции, переданным казахстанским властям на основании его предполагаемого участия в беспорядках в Андижане в 2005 году. Когда он оспаривал экстрадицию в суде, выяснилось, что Узбекистан объявил его в международный розыск ещё в 2003 году, то есть за два года до того, как он уехал из Узбекистана в Россию, и что во время андижанских беспорядков его даже не было на территории Узбекистана. Несмотря на то, что вся эта информация всплыла в ходе разбирательства, суд не отказал в удовлетворении ходатайства о выдаче. Вместо этого судья продлил ему срок содержания под стражей до получения дополнительной информации. Собира Носирова выпустили почти год спустя после задержания⁴⁷, когда истёк максимально-допустимый срок содержания под стражей, и доставили на границу с Россией.

В России разыскиваемым лицам трудно обжаловать требования об экстрадиции ещё и в связи с препятствиями, которые мешают им пользоваться своим правом оспаривать решения, вынесенные против них. Согласно уголовно-процессуальному кодексу РФ, постановление генерального прокурора о выдаче может быть обжаловано в суде, который проверяет, соответствует ли решение об экстрадиции данного лица законодательству и международным обязательствам Российской Федерации⁴⁸. Как рассказывали Amnesty International адвокаты из России, в уведомлениях Генеральной прокуратуры, которые получают экстрадируемые лица, говорится о праве оспорить

решение о выдаче со ссылками на соответствующую статью уголовного кодекса, однако не содержится чётких инструкций касательно процедуры обжалования, в том числе о требовании уложиться в срок до 10 дней. Ещё одна причина для беспокойства — то, что подобные документы составляются лишь на русском языке, а услуги переводчика не всегда доступны. Следовательно, некоторые люди просто не знают о своём праве оспорить решение и о необходимости сделать это в установленный законом срок.

В постановлении № 11 от 14 июня 2012 года⁴⁹ Верховный Суд РФ подтвердил, что для соблюдения права человека на обжалование он должен получить полный текст решения об экстрадиции. Верховный Суд также отметил, что если человек не знает русского языка, решение о выдаче и сведения о праве на обжалование должны быть переведены на язык, которым он владеет. Несмотря на это, с момента принятия постановления уже имели место несколько случаев, когда инструкции Верховного Суда не выполнялись на практике⁵⁰.

5.1.2 ИГНОРИРОВАНИЕ УГРОЗЫ ПЫТОК И ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ

Нельзя удовлетворять ходатайство о выдаче, если запрашиваемому лицу по возвращении грозят пытки и другие виды жестокого обращения. Между тем, во множестве случаев суды запрашиваемых стран не принимают во внимание и не рассматривают всерьёз доказательства подобной угрозы.

Как правило, если человек оспаривает требование о своей экстрадиции на том основании, что ему грозят пытки и жестокое обращение в запрашивающей стране, именно он и никто другой обязан указать на наличие подобных оснований. Однако для этого у него должна быть реальная возможность обжаловать экстрадицию, а когда он приводит в качестве аргумента риск пыток и жестокого обращения, власти должны относиться внимательно к его возражениям.

Неправительственные организации и адвокаты в России уже давно выражают озабоченность в связи с тем, что обжалование ходатайств об экстрадиции (даже в делах, где есть прямая угроза пыток и жестокого обращения) — немногим более чем пустая формальность⁵¹.

Так, в постановлении от 18 сентября 2012 года по делу «Умиров против России» Европейский суд по правам человека отметил, что «[...] суд, рассматривавший это дело, пришёл к выводу, что утверждения об угрозе жестокого обращения не [являются] основанием для отмены решения о выдаче. При таких обстоятельствах [Европейский] суд сомневается, что угроза жестокого обращения являлась предметом тщательного изучения в деле об экстрадиции. На национальном уровне не было предпринято никаких честных попыток получить сведения из каких-либо альтернативных, внушающих доверие источников, помимо тех, что были предоставлены российскими органами власти»⁵².

Кроме того, суд добавил: «В различных международных докладах и в решениях самого суда [...] указывалось на угрозу жестокого обращения при подобных обстоятельствах. Российские власти, занимавшиеся делом заявителя в 2010 году

и в начале 2011 года, не могли этого не знать. Другими словами, эти обстоятельства „должны были быть известны договаривающемуся государству“ в соответствующее время»⁵³.

В январе 2011 года в уголовно-процессуальное законодательство Казахстана были внесены поправки, гарантирующие право на обжалование решений о выдаче в суде (статья 531 ч. 1 уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Казахстан) и запрещающие экстрадицию в страны, где человеку могут грозить пытки — но не другие виды жестокого обращения (статья 532 УПК). Однако суды Казахстана, как правило, игнорируют даже эти крайне ограниченные основания для отмены решения о выдаче.

Например, девятого июня 2011 года Казахстан экстрадировал в Узбекистан 28 этнических узбеков, проигнорировав тот факт, что в Узбекистане им грозили пытки. Впоследствии некоторых из них по итогам несправедливых судебных процессов приговорили к длительному лишению свободы. После того, как в мае—начале июня 2011 года эти люди обратились в Комитет ООН против пыток, КПП продлил действие своего распоряжения о предварительных мерах от 2010 года, в котором призвал казахстанские власти приостановить экстрадицию этих людей. В июне 2012 года, когда их всё-таки выдали, КПП постановил, что тем самым Казахстан нарушил статьи 3 и 22 Конвенции против пыток⁵⁴. Эти люди бежали из Узбекистана в разное время на протяжении нескольких лет, опасаясь преследования за свои религиозные убеждения, обряды или принадлежность к запрещённым либо незарегистрированным исламистским организациям в этой стране. До отъезда некоторые из них отбыли в Узбекистане сроки за преступления против государства; по их словам, как до, так и после вынесения приговора их постоянно пытали под стражей. В Казахстане их арестовали в июне 2010 года по запросу правительства Узбекистана. Они обжаловали решения о выдаче, однако в марте 2011 года районный суд города Алма-Аты не удовлетворил ни одного из их ходатайств. Суды высшей инстанции также оставили постановление о выдаче в силе. В своём решении от 11 июля 2012 года КПП счёл, что *«государство-участник не представило доказательств в письменной или устной форме, опровергающих утверждения заявителей о том, что производство по вопросам экстрадиции не отвечало минимальным требованиям справедливого судебного разбирательства (например, достаточное время для подготовки к защите, ограниченный доступ к адвокатам и услугам переводчиков), и что им не была проведена индивидуальная оценка личной опасности для каждого заявителя подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан»⁵⁵.*

Правозащитные организации, следившие за процессом до экстрадиции, сообщали, что иногда людям давали не больше пяти минут, чтобы донести до председательствующего судьи свои доводы. Во многих случаях судья отказывался принимать от заявителей письменные доказательства пыток в Узбекистане. Заявители жаловались, что пока они не попросили, им не предоставили переводчика на узбекский язык, а когда предоставили, качество его работы было неудовлетворительным. В одном случае судья зачитал вердикт, относившийся к другому заявителю, чьё дело ещё не рассматривалось, что заставляет предположить, что одинаковые для всех решения были заготовлены заранее и не учитывали индивидуальных обстоятельств каждого дела.

5.1.3 ГОТОВНОСТЬ ПОЛАГАТЬСЯ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ

Ещё один способ, которым страны СНГ обходят свои обязательства учитывать угрозу пыток по возвращении, — беспрекословное принятие дипломатических гарантий от запрашивающего государства, которое обещает, что возвращаемому лицу ничего подобного не грозит. Разумеется, страны бывшего СССР отнюдь не единственные, кто использует такие дипломатические гарантии и полагается на них для возвращения запрашиваемых лиц. В последние годы западные правительства и суды тоже всё чаще прибегают к ним.

Дипломатические гарантии — опасный и ненадёжный механизм, который позволяет выдающему государству обойти полный запрет на отправку людей туда, где тем грозят пытки или иное жестокое обращение. Простые обещания запрашивающего государства, что по прибытии человека не станут пытать и подвергать жестокому обращению, не могут заменить абсолютное обязательство государства не передавать людей туда, где им может грозить подобный произвол. Все государства должны соблюдать юридически-обязательные международные нормы, касающиеся защиты прав человека. А дипломатические гарантии позволяют правительствам обходить такие нормы и, тем самым, подрывают, а не укрепляют защиту прав человека.

Кроме того, сам характер пыток и жестокого обращения как явления рано или поздно приводит к тому, что никакие заверения оказываются не в состоянии эффективно и надёжно предотвращать подобный произвол. В частности, в странах, где практикуются пытки и схожие преступления, их обычно отрицают на официальном уровне; создают административные структуры, позволяющие правдоподобно опровергать их; вырабатывают техники жестокого обращения, не оставляющие следов; скрывают доказательства. Пытки, как правило, применяются тайно, при содействии сотрудников правоохранительных и других государственных органов, часто — в атмосфере безнаказанности, потому что государства (особенно те, где пытки распространены) никогда не расследуют утверждения о пытках и не привлекают виновников к ответственности. К тому же люди, которые подверглись пыткам и жестокому обращению, зачастую боятся рассказывать о произволе своим адвокатам, родственникам и тем, кто пытается следить за их судьбой по возвращении, поскольку опасаются, что им самим либо их родственникам за это отомстят. Помимо того, что в государствах, где практикуются пытки и жестокое обращение, царит атмосфера секретности, отрицания и безнаказанности, в дипломатических гарантиях отсутствует механизм для обеспечения их выполнения, и они не имеют обязательной силы.

Исходя из вышеперечисленных факторов, Amnesty International вместе с целым рядом международных правозащитных организаций и независимых экспертов⁵⁶ в теории и на практике выступает против того, чтобы полагаться на дипломатические гарантии неприменения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания⁵⁷.

Даже те, кто не возражает против таких гарантий в принципе, признают, что лица, которым грозит депортация, должны иметь возможность оспорить в справедливом и эффективном суде применение в их деле дипломатических гарантий⁵⁸.

За последние несколько лет Европейский суд по правам человека не раз разбирал

случаи, когда Россия удовлетворяла запросы об экстрадиции в Таджикистан и Узбекистан на основании дипломатических гарантий.

ДЕЛО «АБДУРАЗОК ГАФОРОВ ПРОТИВ РОССИИ» (GAFOROV V. RUSSIA)

В 2006 году Абдуразока Гафорова арестовали в Таджикистане по таким обвинениям как принадлежность к запрещённому движению «Хизб ут-Тахрир»; разжигание ненависти, в частности религиозной; публичные призывы к свержению конституционного строя. По его словам, он три месяца провёл в подвалах спецслужб в Согдийской области, где его *«систематически избивали и... не менее шести раз пытали электрошоком, чтобы выбить признание»*. Он рассказал, что в мае 2006 года его вместе с другими задержанными вывезли на какую-то стройку, где заставляли работать, и там их жестоко избивали охранники. Двадцать четвёртого мая 2006 года ему удалось бежать из-под стражи, потом он скрывался, а затем ему удалось перебраться в Россию.

Пятого августа 2008 года Абдуразока Гафорова, объявленного в международный розыск, задержали в Москве. Одиннадцатого сентября 2008 года Генеральная прокуратура Таджикистана передала России ходатайство о выдаче Абдуразока Гафорова на основании его предполагаемой принадлежности к «Хизб ут-Тахрир». Тридцатого декабря 2008 года заместитель генерального прокурора РФ издал постановление о его экстрадиции в Таджикистан. Абдуразок Гафоров безуспешно обжаловал это решение в судах. Письмом от 10 февраля 2009 года Генеральная прокуратура Таджикистана гарантировала, что Абдуразока Гафорова не будут подвергать пыткам либо бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию⁵⁹.

В своём решении от 20 апреля 2009 года Московский городской суд отказался принимать во внимание его утверждения, что в случае экстрадиции в Таджикистан он может подвергнуться пыткам. Суд отметил, что *«Республика Таджикистан является участником практически всех международных соглашений по защите прав человека, тем самым она подтверждает своё намерение построить светское демократическое государство, основанное на верховенстве закона»*.

Абдуразок Гафоров обратился в Европейский суд по правам человека, который 15 мая 2009 года распорядился о применении обеспечительных мер. В решении Европейского суда по жалобе Абдуразока Гафорова⁶⁰ цитируются слова властей РФ, что *«[и]нформация, полученная из „официальных источников“, не подтвердила того, что власти Таджикистана преследуют своих граждан по политическим или религиозным мотивам или же подвергают граждан, в отношении которых возбуждены уголовные дела, бесчеловечному либо унижающему достоинство обращению»*, и что *«[с]уды также рассмотрели информацию, представленную различными общественными организациями. При этом их доклады к числу официальных документов не относились и обязательными для судов не являлись»*.

Тем не менее, Европейский суд пришёл к выводу, что «дипломатические гарантии [Генеральной прокуратуры Таджикистана] сами по себе не являются достаточными для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения в ситуации, когда надёжные источники сообщают о распространённой, применяемой властями или допускаемой ими практике, которая явно противоречит принципам Конвенции»⁶¹.

Аналогично в постановлении Европейского суда от 24 апреля 2008 года по делу «Исмоилов и другие против России» (Ismoilov and Others v. Russia) говорится, что суд «не убеждён, что гарантии узбекских властей представляют собой надёжную гарантию от риска дурного обращения»⁶². Однако в феврале и марте 2013 года Генеральная прокуратура РФ удовлетворила поступившие от Кыргызстана ходатайства об экстрадиции троих этнических узбеков: Гайратбека Салиева, Бахтиёра Мамашева и Махамадилло Кадыржанова. В своих действиях ведомство руководствовалось дипломатическими гарантиями, предоставленными властями Кыргызстана. По мнению Amnesty International, троим мужчинам в случае возвращения в Кыргызстан грозит грубое нарушение их прав⁶³.

Комитет ООН по правам человека также усомнился в надёжности дипломатических гарантий в таких делах. Комитет заявил, что «чем более систематический характер носит практика пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, тем меньше вероятность того, что дипломатические гарантии позволят устранить реальный риск применения такого обращения, сколь бы строгой ни была любая согласованная процедура последующих мер»⁶⁴, и призвал к «крайней осторожности» в использовании таких гарантий и надлежащему судебному рассмотрению, прежде чем будет вынесено решение о депортации. В мае 2013 года Комитет ООН против пыток в своих заключительных замечаниях и рекомендациях к пятому периодическому докладу Соединённого Королевства постановил, что «дипломатические гарантии ненадёжны и неэффективны и не должны применяться для изменения границ применимости Конвенции»⁶⁵.

В августе 2011 года Комитет ООН по правам человека в своих заключительных замечаниях и рекомендациях к докладу, предоставленному Казахстаном в соответствии с МПГПП, с одобрением отнёсся к факту «признания [казахстанской] делегацией того, что дипломатические гарантии, данные в рамках Шанхайской организации сотрудничества, не освобождают государство-участника от обязанности осуществлять мониторинг поведения запрашивающего государства после возвращения в него того или иного лица». В то же время комитет выразил «обеспокоенность по поводу того, что государство-участник может быть готово полагаться на такие дипломатические гарантии при возвращении иностранных граждан в страны, где могут иметь место пытки и серьёзные нарушения прав человека». Комитет порекомендовал Казахстану «проявлять крайнюю осмотрительность в тех случаях, когда оно полагается на дипломатические гарантии при рассмотрении вопроса о возвращении иностранных граждан в страны, где они могут подвергаться пыткам или серьёзным нарушениям прав человека». Комитет призвал Казахстан «продолжать мониторинг обращения с такими лицами после их возвращения и принимать соответствующие меры в тех случаях, когда гарантии не выполняются»⁶⁶.

Amnesty International не верит, что механизмы мониторинга после возвращения могут обеспечить человеку защиту, особенно в странах, где пытки применяются повсеместно или где регулярно подвергаются пыткам определённые группы людей. Ничто в этих механизмах, какими бы тщательно продуманными они ни были, не может повлиять на непоправимый вред, который причиняют пытки. Кроме того, за механизмами мониторинга не стоит никакой надёжной системы, способной не только выявлять произвол, но и неизбежно привлекать виновников к ответственности, сразу пресекать дальнейшие злоупотребления и по-настоящему сокращать частоту применения пыток. Поэтому их нельзя всерьёз рассматривать как существенную меру сдерживания или профилактики. Таким образом, мониторинг по возвращении, каким бы он ни был, не способен восполнить фундаментальную разницу между дипломатическими гарантиями неприменения пыток и жестокого обращения и международными обязательствами в сфере прав человека. Как заключил комиссар Совета Европы по правам человека, *«совершенно недопустимо подвергать людей риску, экспериментируя с подобными сомнительными гарантиями»*⁶⁷.

В мае 2012 в Комитете ООН против пыток прошло беспрецедентное устное слушание по делу 29 узбеков, которые обжаловали решение об экстрадиции 28 из них в Узбекистан, принятое Казахстаном вопреки их утверждениям об угрозе пыток по возвращении. В июне 2012 года по итогам разбирательства КПП заключил, что *«допущенная государством-участником экстрадиция заявителей в Узбекистан является нарушением статьи 3 Конвенции [против пыток]»*. Комментируя получение дипломатических гарантий как защиты от пыток, комитет добавил, что *«дипломатические заверения не могут быть использованы в качестве инструмента, позволяющего избежать соблюдения принципа недопустимости принудительного возвращения»*⁶⁸. КПП дал Казахстану 90 дней на то, чтобы принять меры в соответствии с данным решением.

В ноябре 2012 года Генеральная прокуратура сообщила КПП о том, что с третьего по 14 августа 2012 года казахстанским дипломатам удалось посетить в колониях 18 экстрадированных лиц — более года спустя после того, как их взяли под стражу в Узбекистане. Как говорится в сообщении Казахстана, *«никто из осуждённых, которых они посетили, не жаловался на пытки, незаконные методы физического и психологического давления или иные недопустимые методы расследования. Всем им были предоставлены государственные адвокаты или возможность пользоваться услугами защитника, нанятого в частном порядке. Никто из них не жаловался на условия содержания, питание или оказание медицинской помощи»*. Однако при прочтении этого сообщения следует принимать во внимание свидетельства правозащитных организаций и родственников заключённых, утверждающих, что осуждённые более 14 месяцев провели без связи с внешним миром, что их пытали, и что они слишком запуганы, чтобы рассказывать об этом представителям Казахстана. Из медицинских справок, которые попросил предоставить Казахстан, явствует, что никаких следов пыток не обнаружено. Однако Amnesty International уже давно беспокоит отсутствие независимой медицинской экспертизы в Узбекистане. Следствие по уголовным делам оставшихся семи из 28 экстрадированных людей во время визита ещё не закончилось, и поэтому казахстанским представителям не удалось увидеться с ними, хотя, насколько известно, они планируют сделать это позже.

В марте 2013 года власти Казахстана экстрадировали в Узбекистан Хайрулло Турсунова — имама из Ташкента. Это стало прямым нарушением просьбы комитета не высылать его, пока идёт рассмотрение его жалобы. Генеральная прокуратура и суды Казахстана не приняли должным образом во внимание реальную угрозу пыток и жестокого обращения, которым Хайрулло Турсунов может подвергнуться в Узбекистане. По возвращении в Узбекистан его сразу же арестовали представители силовых структур. Сейчас Хайрулло Турсунов находится в предварительном заключении в Узбекистане, и к нему не допускают родственников.

5.2 НЕЗАКОННЫЕ ВЫДАЧИ

«[Л]юбое внесудебное перемещение или чрезвычайная выдача, умышленно совершённые в обход должных правовых процедур, попирает принцип верховенства права и ценностей, закреплённых в Конвенции. Следовательно, любое такое действие может быть приравнено к нарушению основных прав, гарантированных Конвенцией».

Европейский суд по правам человека, дело «Абдулхаков против России», параграф 156.

В докладе уже упоминалось, с какой лёгкостью государства Центральной Азии добиваются экстрадиции интересующих их лиц из других государств-участников СНГ. Действительно, отказ на запрос об экстрадиции — явление необычное, поскольку добрососедские отношения и ожидаемый взаимный интерес в деле борьбы с терроризмом ставятся много выше прав людей, разыскиваемых для последующей экстрадиции. Однако в некоторых случаях процедуре передачи разыскиваемых лиц, которая, как правило, проходит без особых осложнений, может помешать (как например, в случае России и Украины) вмешательство Европейского суда по правам человека. Тогда для выдачи задержанных заинтересованные стороны, цинично игнорируя положения международного права, подчас прибегают к ещё более гнусным формам взаимодействия — а именно, похищениям, произвольным задержаниям, тайным выдачам в другие страны и несправедливым судебным процессам по возвращению. Другими словами — к незаконным выдачам.

Действительно, вот уже несколько лет подряд не прекращают поступать сообщения⁶⁹ о похищениях и попытках похищений просителей убежища, беженцев и других граждан из центральноазиатских стран⁷⁰ спецслужбами этих государств, которые свободно действуют на территории других таких стран, а также в России и Украине. Эти случаи происходят настолько часто, что дают основания говорить о наличии региональной программы незаконной выдачи задержанных.

Особую озабоченность Amnesty International вызывают несколько последних случаев, подробно описанных ниже. Они касаются похищения на территории России и последующего принудительного возвращения на родину граждан Таджикистана и Узбекистана, обратившихся с жалобами в Европейский суд по правам человека. Данных лиц незаконно возвращали на родину, несмотря на постановления суда о применении временных мер с требованием приостановить экстрадицию до рассмотрения судом существа дела, а также невзирая на решение о предоставлении временного убежища в России — как это произошло с одним из пострадавших.

Российские власти официально не признают, что им что-либо известно о данных

инцидентах. Однако эти утверждения не вызывают доверия, учитывая количество выявленных случаев тайного сговора. Председатель Европейского суда по правам человека в своём письме к представителю Российской Федерации в суде констатировал: «Пояснения, полученные на данный момент от правительства, не дают представления о том, каким образом заявителей могли против их воли вывезти за пределы России, вопреки официальным заверениям правительства о приостановке экстрадиции до рассмотрения их дел судом»⁷¹. Председатель ЕСПЧ выразил глубокую озабоченность тем, что *«подобные недопустимые инциденты могут повториться в случае других заявителей, на которых распространяются обеспечительные меры, принятые ввиду прямой угрозы того, что в стране назначения будут нарушены их права, предусмотренные статьями 2 и 3 Конвенции»*. В письме упоминалось 25 заявителей, чьи высылки и экстрадиции были приостановлены в соответствии с обеспечительными мерами (правило 39). С момента написания письма не менее трёх из них были похищены. В апреле 2013 года при рассмотрении дела Савриддина Джураева (см. ниже) Европейский суд отметил *«явное поспешное национальных правовых механизмов в делах об экстрадиции»* из Российской Федерации и напомнил российским властям, что заявителям, в отношении которых суд предписал обеспечительные меры, государством должна быть предоставлена эффективная защита не только по закону, но и на практике. Суд выразил озабоченность, что предусмотренная действующим законодательством обычная защита неоднократно бездействовала, и поэтому порекомендовал создать соответствующий механизм, чтобы обеспечить заявителям немедленную и эффективную защиту от незаконного похищения и нелегального перемещения за пределы территории государства и юрисдикции российских судов⁷².

САВРИДДИН ДЖУРАЕВ

Власти Таджикистана предъявили 27-летнему Савриддину Джураеву обвинение в причастности к деятельности исламистской организации, запрещённой в Таджикистане⁷³. Он бежал в Россию в 2006 году, а в 2009 году был арестован в Москве в связи с запросом таджикских властей об экстрадиции, выданным на основании обвинения в дестабилизации политической ситуации. Обвинения касались того периода, когда Савриддину исполнилось лишь семь лет.

17 июня 2010 года Генеральная прокуратура Российской Федерации разрешила экстрадицию. Савриддин Джураев попытался обжаловать решение Генпрокуратуры, но потерпел неудачу; после чего подал жалобу в Европейский суд по правам человека. Седьмого декабря 2010 года суд распорядился применить временные меры, потребовав от российских властей не высылать Савриддина Джураева из страны до рассмотрения его дела по существу. Его освободили из-под стражи 20 мая 2010 года — спустя 18 месяцев после задержания⁷⁴, а в августе того же года предоставили ему временное убежище⁷⁵. Тем не менее, ночью 31 октября в Москве он был похищен неизвестными. Ночью первого ноября его отправили самолётом в Таджикистан, притом, что у него не было действующего паспорта.

Из тюрьмы в Таджикистане Савриддин Джураев написал своим российским адвокатам письмо, в котором сообщил, что его похитили четыре или пять мужчин в

штатском, посадили в микроавтобус, избили, приставили к голове пистолет и угрожали убить, если он не согласится вернуться в Таджикистан. По его словам, человек, который разговаривал с ним, был таджиком. Больше суток его удерживали в машине, а на следующий день привезли прямо в московский аэропорт «Домодедово». Рано утром на следующий день Савриддин Джураев прилетел в аэропорт Худжанда в Таджикистане, откуда, по его словам, пять сотрудников министерства внутренних дел доставили его в особый «шестой отдел». Ему завязали глаза, чтобы он не видел их лиц, избили и допрашивали в отсутствие адвоката, принуждая дать показания против определённых людей, однако он отказался. Деятнадцатого апреля 2012 года Савриддина Джураева приговорили к 26 годам лишения свободы по итогам несправедливого судебного процесса. Он настаивает на своей невиновности.

Российские власти, как сообщалось⁷⁶, начали расследование по факту принудительного перемещения Савриддина Джураева из России. В марте 2012 года они заявили, что им неизвестно, как тот покинул страну, а позже заявили, что тот незаконно пересёк границу с Таджикистаном и «добровольно сдался» таджикским властям. Учитывая то, что у него не было паспорта, все эти утверждения кажутся неправдоподобными. Двадцать пятого апреля 2013 года Европейский суд по правам человека постановил, что власти Российской Федерации несут ответственность за незаконное возвращение Савриддина Джураева в Таджикистан. Суд особо указал на то, что там ему грозили пытки и жестокое обращение и что действия российских должностных лиц *«были отмечены явным произволом и злоупотреблением властью»*. Суд пришёл к выводу, что операция с участием должностных лиц в этом деле проходила вне закона и, будучи намеренно совершённой в обход надлежащей правовой процедуры, явилась полным отрицанием принципа верховенства права.⁷⁷ Кроме того, в решении суда говорится, что расследование обстоятельств возвращения Савриддина Джураева в Таджикистан велось российскими властями с грубыми нарушениями и что Российской Федерации следует провести новое, эффективное расследование. Помимо этого, суд постановил, что тот факт, что Савриддин Джураев находится за пределами российской юрисдикции, не освобождает РФ от юридических обязательств защищать его от угроз жизни и здоровью на территории Таджикистана. Суд порекомендовал России принять меры, находящиеся в её компетенции, для исправления ситуации и возмещения вреда, причинённого Савриддину Джураеву, особенно ввиду того обстоятельства, что Россия предоставила ему временное убежище.

СУХРОБ КОЗИЕВ И МУРОДЖОН АБДУЛХАКОВ

Сухроба Козиева⁷⁸ задержали в Москве 22 ноября 2009 года на основании международного ордера на арест по подозрению в причастности к деятельности запрещённой исламистской группировки. Ему были предъявлены обвинения в пособничестве Савриддину Джураеву, хотя они оба утверждали, что первый раз

встретились в московском СИЗО, где ожидали экстрадиции. Таджикистанская Генеральная прокуратура направила запрос об экстрадиции 12 апреля 2010 года, который был удовлетворён Генеральной прокуратурой РФ 25 июня 2010 года. Сухроб Козиев обратился с жалобой в Европейский суд по правам человека, который в октябре 2010 распорядился принять временные меры, потребовав от российских властей не экстрадировать Козиева до вынесения решения по его делу. Сухроб Козиев подал ходатайство о предоставлении ему статуса беженца в России, но получил отказ. После того как Козиева освободили из-под стражи в России, 23 августа 2011 года в Москве его похитили и принудительно вернули в Таджикистан вместе с гражданином Узбекистана Муроджоном Абдулхаковым. По утверждению Сухроба Козиева, на тот момент у него не было паспорта. Девятнадцатого апреля 2012 года в Таджикистане Сухроба Козиева признали виновным по тому же делу, что и Савриддина Джураева, и приговорили к 28 годам лишения свободы.

Муроджон Абдулхаков – гражданин Узбекистана 1979 года рождения – вынужден был покинуть родину в 2009 году, опасаясь преследования за религиозные убеждения. Три месяца он провёл в Казахстане, после чего в ноябре 2009 года приехал в Казань (Россия). Затем в декабре 2009 года он отправился поездом в Украину через Москву в поисках работы, однако по прибытии в Москву его задержали на основании запроса властей Узбекистана об экстрадиции. В Узбекистане Муроджон Абдулхаков находился в розыске по обвинению в экстремистской деятельности. В период с января по июнь 2011 года ему несколько раз продляли срок содержания под стражей. За это время он неоднократно пытался обжаловать задержание в судах Москвы, но каждый раз получал отказ. Девятого июня 2011 года истёк предельно допустимый российским законодательством срок содержания под стражей, равный 18 месяцам, в связи с чем его освободили.

Двадцать второго декабря 2009 года Муроджон Абдулхаков обратился с ходатайством о присвоении ему статуса беженца в России в связи с преследованием по религиозным мотивам в Узбекистане, но ему отказали. Затем, для того чтобы избежать высылки в Узбекистан, он ходатайствовал о предоставлении ему временного убежища, однако в июле 2011 года тоже получил отказ.

В мае 2010 года Генеральная прокуратура распорядилась экстрадировать Муроджона Абдулхакова в Узбекистан. Он попытался обжаловать это решение в российских судах и, кроме того, обратился в Европейский суд по правам человека. Восьмого марта 2011 года ЕСПЧ распорядился принять временные меры и призвал Россию отложить экстрадицию Муроджона Абдулхакова до рассмотрения судом его жалобы. Проигнорировав постановление ЕСПЧ, 14 марта 2011 года Верховный Суд Российской Федерации отказал Муроджону Абдулхакову, который пытался обжаловать решение об экстрадиции. Верховный Суд сослался на заверения властей Узбекистана о том, что к заявителю по возвращению не будут применяться пытки и другое жестокое обращение.

Двадцать третьего августа 2011 года Муроджон Абдулхаков встретился с Сухробом Козиевым,⁷⁹ когда они были похищены неизвестными людьми в штатском в центре Москвы. Их заковали в наручники, надели чёрные пластиковые пакеты на голову, запихнули в микроавтобус и избили. Затем микроавтобус направился прямо в московский аэропорт «Домодедово», где похищенных сопроводили на рейс до Худжанда (север Таджикистана). По прибытии в Таджикистан Муроджона Абдулхакова передали сотрудникам таджикистанской милиции. Его переправили в СИЗО в Душанбе, где он должен был дожидаться экстрадиции в Узбекистан. В ноябре 2011 года его освободили из-под стражи.

В решении, принятом в октябре 2012 года⁸⁰ по делу Абулхакова, Европейский суд по правам человека постановил, что Мурадждона Абдулхакова похитили и тайно передали под стражу таджикистанским властям с ведома российских властей и при их пассивном или активном участии. Суд признал, что задержанному *«грозит экстрадиция или репатриация в Узбекистан»*, отметив, что *«особую обеспокоенность вызывает то, что перемещение заявителя в Таджикистан осуществлялось тайно и в нарушение правовых норм, запрещающих высылку в Узбекистан без надлежащей оценки риска жестокого обращения с задержанным»*. В этой связи Суд также отметил, что *«любое внесудебное перемещение или чрезвычайная выдача, умышленно совершённые в обход должных правовых процедур, представляют собой попрание принципа верховенства права и ценностей, закреплённых в Конвенции. Следовательно, любое такое действие может быть приравнено к нарушению основных прав, гарантированных Конвенцией»*.

Лица, экстрадиции которых добиваются государства Центральной Азии, особенно часто подвергаются похищениям и принудительным возвращением после освобождения из следственных изоляторов в России.

Так, 23-летнего гражданина Таджикистана Абдурахима Тошматова московский суд приговорил к одному году лишения свободы по обвинению в предполагаемом участии в «Хизб ут-Тахрир». Двенадцатого сентября 2012 года, когда истёк срок наказания, на выходе из исправительной колонии ИК-4 в Тамбовской области к нему подошли двое неизвестных мужчин в штатском. Они заявили, что отвезут его в аэропорт и останутся с ним до вылета из Москвы. Мужчины отказались представиться представителям Правозащитного центра «Мемориал», которые явились встретить Абдурахима Тошматова. Представители ПЦ «Мемориал» заявили неизвестным, что в случае попытки насильственного вывоза Абдурахима Тошматова, они незамедлительно обратятся в международные организации. По словам представителей ПЦ «Мемориал», неизвестные мужчины ещё какое-то время следовали на некотором расстоянии за ними и Абдурахимом Тошматовым. Брат Абдурахима Тошматова сообщил, что представители Мещанской межрайонной прокуратуры интересовались, откуда «Мемориалу» стало известно об освобождении заключённого. В ноябре 2012 года, насколько известно, Абдурахим Тошматов подал ходатайство о предоставлении ему статуса беженца в России.

В случае Азаматжона Эрмакова и Юсупа Касымахунова (см. подробности дел ниже) усилий правозащитников и адвокатов оказалось недостаточно, чтобы не допустить их исчезновения после освобождения из-под стражи в России. С учётом документально подтверждённой истории сотрудничества российских и узбекистанских спецслужб и силовых ведомств, а также отсутствия информации об их местонахождении появились опасения, что их могли похитить и незаконно переправить в Узбекистан. И действительно, опасения подтвердились: позже в 2013 году появилась информация, что оба находятся в предварительном заключении в Узбекистане.

АЗАМАТЖОН ЭРМАКОВ

Гражданин Узбекистана Азаматжон Эрмаков бежал в Россию в марте 2009 года. В ноябре 2009 года его задержали в Нижнем Новгороде на основании запроса об экстрадиции узбекистанских властей. В Узбекистане Азаматжону Эрмакову были предъявлены обвинения в предполагаемой принадлежности к экстремистской религиозной группировке, разжигании религиозной ненависти и прочей вражды, а также в попытке свержения конституционного строя. Его выдачу утвердила Генеральная прокуратура Российской Федерации. Азаматжон Эрмаков попытался обжаловать решение прокуратуры, но безуспешно.

В декабре 2009 года Азаматжон Эрмаков обратился в Управление Федеральной миграционной службы по Нижегородской области с ходатайством о предоставлении ему убежища, но получил отказ. Двадцать второго сентября 2010 года Европейский суд по правам человека постановил принять временные меры на основании Правила 39 и потребовал от России приостановить экстрадицию Азаматжона Эрмакова до окончательного рассмотрения его жалобы судом. Тринадцатого мая 2011 года – спустя 18 месяцев – его освободили из-под стражи. Однако первого июля 2011 года его повторно арестовали и седьмого сентября 2012 года приговорили к одному году и четырём месяцам лишения свободы за незаконное владение огнестрельным оружием и боеприпасами. Азаматжон Эрмаков утверждает, что обнаруженную при нём гранату, послужившую уликой против него, подбросили полицейские.

Второго ноября 2012 года адвокат Азаматжона Эрмакова попытался встретиться с ним в нижегородском СИЗО, однако ему было отказано. С третьего по пятое ноября нижегородское СИЗО было закрыто для посетителей в связи с праздниками. А когда он явился туда снова шестого ноября, ему сообщили, что Азаматжона Эрмакова уже освободили второго ноября. В январе 2013 года Следственное управление Следственного комитета РФ по Нижегородской области уведомило Amnesty International о том, что в ходе расследования обстоятельств исчезновения Азаматжона Эрмакова было установлено, что тот пересёк российскую государственную границу, вылетев рейсом из Москвы в Ташкент второго ноября 2012 года. Имеющиеся косвенные улики дают веские основания полагать, что его похитили непосредственно после освобождения из СИЗО и посадили на рейс до Узбекистана. На момент освобождения из-под стражи у Азаматжона Эрмакова из документов имелся лишь паспорт.

По информации, полученной Следственным управлением Следственного

комитета РФ по Нижегородской области от компании «Узбекистон Хаво Йуллари» («Узбекские авиалинии»), авиабилет для Азаматжона Эрмакова на рейс «Москва – Ташкент» был приобретён на его имя на территории Узбекистана по форме № 1 (специальная карточка – заявление об обмене паспорта) и номеру просроченного паспорта⁸¹. Отсюда видно, что власти Узбекистана организовали принудительное возвращение Азаматжона Эрмакова в Узбекистан и его последующее задержание.

Кроме того, Интерпол подтвердил Следственному управлению Следственного комитета РФ по Нижегородской области, что первого декабря 2012 года имя Азаматжона Эрмакова убрали из списка лиц, находящихся в международном розыске, в связи со взятием его под стражу. Это означает, что второго ноября 2012 года он всё ещё был объявлен в международный розыск и поэтому не мог самостоятельно покинуть Россию, не будучи остановленным на границе.

В мае 2013 года российские адвокаты Азаматжона Эрмакова получили подтверждение того, что он находится в узбекском СИЗО.

ЮСУП КАСЫМАХУНОВ

Юсуп Касыхмахунов приехал из Узбекистана в Россию в 1995 году. В 2004 году в России ему предъявили обвинения в причастности к деятельности запрещённой исламистской организации «Хизб ут-Тахрир» на российской территории. Московский городской суд приговорил его к семи годам и четырём месяцам лишения свободы. Последние два года своего приговора он отбывал в мурманской колонии. В 2009 году власти Узбекистана попросили российские власти вернуться к рассмотрению ходатайств об экстрадиции, которые они направляли в 2000 и 2004 годах на том основании, что в 1990-х годах Юсуп Касыхмахунов также участвовал в деятельности «Хизб ут-Тахрир» на территории Узбекистана. В мае 2011 года, когда он уже отбыл большую часть своего срока, мурманская прокуратура возобновила рассмотрение дела об экстрадиции. Однако Юсуп Касыхмахунов утверждает, что не состоял в «Хизб ут-Тахрир» до 1996 года (когда он уже проживал в России), а будучи в тюрьме, он вышел из рядов организации. За день до истечения срока приговора районный суд Мурманской области продлил ему срок заключения до завершения экстрадиционной проверки. В апреле 2012 года Юсупа Касыхмахунова уведомили о том, что Генеральная прокуратура Российской Федерации решила выслать его в Узбекистан в связи с уголовным делом, возбуждённым против него в этой стране. Он обжаловал это решение в Мурманском областном суде, но тот оставил в силе постановление Генеральной прокуратуры об экстрадиции. Юсуп Касыхмахунов обратился с жалобами в Верховный Суд РФ и в Европейский суд по правам человека. ЕСПЧ распорядился о предварительных мерах на основании Правила 39, потребовав от российских властей не высылать его в Узбекистан до окончательного рассмотрения судом его жалобы. Однако 18 июля 2012 года Верховный Суд РФ оставил в силе решение Мурманского областного суда об

экстрадиции.

Когда 10 декабря 2012 года истёк максимальный предусмотренный законом срок содержания под стражей, Юсуп Касымахунов вышел на свободу из мурманской тюрьмы, однако угроза экстрадиции сохранялась. Опасаясь возможного похищения, правозащитники приехали, чтобы встретить его на выходе из тюрьмы и сопровождали во время рейса в Москву. По прибытии он подал ходатайство о предоставлении ему временного убежища в России с тем, чтобы избежать высылки в Узбекистан, где ему реально грозили пытки. Затем он отправился в подмосковный посёлок, где ему предложили жильё. На следующий день он заметил, что повсюду в посёлке за ним следует две машины. Пока он находился в квартире, машины стояли во дворе многоэтажного дома. Он немедленно сообщил об этом своим адвокатам, которые, в свою очередь, связались с аппаратом российского уполномоченного при Европейском суде по правам человека, попросив принять все необходимые меры к тому, чтобы не допустить похищения. Опасаясь этого, Юсуп Касымахунов весь следующий день не выходил из дома.

14 декабря примерно с 23:00 его мобильный телефон оказался вне зоны действия. Правозащитники, которые работали по его делу, незамедлительно отправились к нему, однако в квартире его не оказалось. Дверь оказалась заперта, ничего необычного они не заметили. Пропало только пальто и некоторые документы Юсупа Касымахунова. Об этом сообщили в полицию, однако сразу расследование начато не было.

Пятнадцатого декабря хозяйка квартиры рассказала адвокатам Юсупа Касымахунова, что 14 декабря тот позвонил ей примерно в 13:20 и попросил одолжить кое-какие инструменты. Она предложила зайти к ней домой, предварительно позвонив, чтобы она могла встретить его и передать необходимые инструменты. Однако он ей так и не позвонил. В январе 2013 года его адвокаты установили, что Юсупа Касымахунова 14 декабря похитили прямо из квартиры и в тот же день переправили в Узбекистан пассажирским авиарейсом, и теперь тот находится в следственном изоляторе в Узбекистане. В марте 2013 года российское Министерство внутренних дел уведомило Amnesty International о том, что официальное расследование по факту исчезновения Юсупа Касымахунова было начато Следственным комитетом в декабре 2012 года. На момент составления доклада расследование продолжалось.

Как и в России, НПО, работающие с просителями убежища в **Украине**, сообщали о случаях исчезновения своих подопечных при загадочных обстоятельствах с последующим появлением в стране гражданской принадлежности. При этом информация об обстоятельствах их возвращения отсутствовала.

ХАМИДУЛЛО ТУРГУНОВ

Хамидулло Тургунова – просителя убежища из Андижана (Узбекистан) – последний раз видели в Киеве (Украина), ориентировочно, 24 декабря 2009 года. Изначально он уехал из Узбекистана в Россию после серии нападений вооружённых группировок на правительственные здания и должностных лиц в

Ферганской долине в мае 2009 года. После нападения, как сообщалось, в его посёлке были задержаны в ходе облавы 170 человек. Насколько известно, многих удерживали под стражей без предъявления обвинений и передачи дела в суд; некоторые задержанные подверглись пыткам либо были осуждены по итогам несправедливых судебных процессов.

Хамидулло Тургунов подал ходатайство о предоставлении убежища в Украине в ноябре 2009 года, но миграционная служба в Киеве оставила его без удовлетворения. Согласно действующим процедурам у него изъяли документы просителя убежища, однако взамен не предоставили никаких других, удостоверяющих его статус в Украине. Девятого декабря 2009 года он обжаловал отказ в предоставлении ему убежища, но ответа получить не успел. Хамидулло Тургунов пропал без вести. Его друзья начали беспокоиться, потому что он перестал отвечать на телефонные звонки. Особую обеспокоенность вызывал тот факт, что его личные вещи остались в квартире.

Третьего января 2010 года родственники Хамидулло Тургунова сообщили его киевским знакомым, что тот находится в ташкентской тюрьме (Узбекистан). Власти Узбекистана не захотели пояснить, был ли Хамидулло Тургунов принудительно выслан украинскими правоохранительными органами или похищен представителями узбекистанских силовых органов на территории Украины.

Украинские власти не отрицают то, что в октябре 2012 года в Киеве (Украина) российские силовики похитили Леонида Развозжаева. Действительно, отрицать столь очевидный факт было бы крайне сложно. К сожалению, власти Украины отказываются осудить действия иностранных агентов, утверждая – ошибочно – что похищение не является уголовно наказуемым.

ЛЕОНИД РАЗВОЗЖАЕВ

В октябре 2012 года Леонид Развозжаев – гражданин Российской Федерации, помощник оппозиционного депутата Государственной Думы Ильи Пономарёва – был похищен в Киеве и доставлен в Россию, по-видимому, сотрудниками российских силовых ведомств, действовавшими на территории Украины. Леонид Развозжаев был объявлен в федеральный розыск в Российской Федерации в связи с уголовным делом, возбуждённым против него и ряда других оппозиционеров. По всей видимости, вместо того, чтобы направить запрос об экстрадиции, российские власти предпочли принудительно вернуть Леонида Развозжаева в Российскую Федерацию в обход надлежащих судебных и административных процедур. Леонида Развозжаева похитили возле офиса Общества помощи еврейским иммигрантам – организации-партнёра УВКБ ООН, куда тот обратился за юридической помощью и консультацией по вопросу получения убежища в Украине. В заявлении от 25 октября пресс-секретарь Министерства внутренних дел Украины Владимир Полищук выступил с явным оправданием действий российских силовиков. Он подтвердил, что Леонида Развозжаева похитили «*силовики или силовые структуры других стран*», и

добавил, что это не является уголовным преступлением.

Дела, рассматриваемые в настоящей главе, не только доказывают, как далеко заходят власти и силовые ведомства государств СНГ в своём сотрудничестве в нарушение основных прав человека, но и свидетельствуют о тотальном неуважении к Европейскому суду по правам человека со стороны России и Украины. Россия и без того неоднократно игнорировала постановления ЕСПЧ по многочисленным делам о прошлых нарушениях прав человека на Северном Кавказе. Дела, являющиеся предметом настоящего доклада, в свою очередь, свидетельствуют о полном пренебрежении постановлениями ЕСПЧ о недопустимости грубых нарушений прав человека – а именно незаконных перебросок, насильственных исчезновений и произвольных задержаний – с целью умышленной высылки лиц в страны, где их могут подвергнуть ещё более страшному произволу – то есть пыткам. Количество таких случаев можно считать явным структурным вызовом авторитету Европейского суда по правам человека и единству Совета Европы в целом. Молчание со стороны остальных государств-членов Совета Европы можно, в некотором роде, приравнять к попустительству.

Особо удручает тот факт, что замалчивание этой проблемы отчасти обусловлено неловкостью, неким чувством сообщничества со стороны европейских правительств, хорошо знакомых с подобной практикой, ведь многие из них, по крайней мере до недавнего времени, участвовали в американских программах тайных тюрем и незаконных выдач задержанных. Программы, которые США развёртывали в общемировом масштабе с конца 2001 года примерно по 2006 год, включали незаконные выдачи, тайное содержание под стражей, пытки и жестокое обращение, а также принудительные исчезновения лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности. При этом программа незаконных выдач задержанных не состоялась бы без тесного сотрудничества с многочисленным европейскими союзниками, охотно принимавшими в ней участие и сумевшими уйти от ответственности. Именно таким образом одно нарушение влечёт за собой другое, а трещинки в монолите международной системы защиты прав человека превращаются в зияющие провалы. Безусловно, одним из побочных эффектов американской программы незаконных выдач при участии европейских государств стало то, что в мире, в том числе в странах СНГ, стали чаще закрывать глаза на аналогичные нарушения. Подобное положение вещей недопустимо. Совет Европы обязан принять решительные меры и восстановить свой авторитет, жёстко осудив применение подобной – совершенно недопустимой – практики в государствах бывшего Советского Союза.

5.3 ПРОИЗВОЛЬНОЕ ПРОДЛЕНИЕ СРОКА ЗАДЕРЖАНИЯ ДО МОМЕНТА ВЫСЫЛКИ

Помимо соучастия в похищениях в обход запрета ЕСПЧ на высылку, российские и украинские власти нередко произвольно продлевают срок содержания под стражей либо добиваются высылки запрашиваемых лиц в административном порядке.

Известны случаи, когда российские власти находили способы обойти правовые ограничения, касающиеся срока содержания под стражей лиц, запрашиваемых для экстрадиции. Среди этих способов — предъявление дополнительных обвинений, по-

видимому, сфабрикованных с намерением оставить этих лиц под стражей с последующей их экстрадицией.

В ряде случаев лицам, в экстрадиции которых было отказано, впоследствии предъявляли обвинения в совершении административных правонарушений — в частности, в незаконном пребывании на территории Российской Федерации. Таким образом, власти добивались их депортации в страну, запрашивавшую экстрадицию⁸².

АКРАМ КАРИМОВ

В 2012 году Акрам Каримов – гражданин Узбекистана – шесть месяцев провёл в московском СИЗО, пока решался вопрос о его экстрадиции. Власти Узбекистана добивались высылки Акрама Каримова в связи с обвинением в членстве в запрещённой религиозной организации. Обвинение основывалось на том, что знакомый Акрама Каримова якобы основал в Узбекистане религиозную организацию.

Предельный срок содержания под стражей Акрама Каримова истекал 17 сентября 2012 года. В этот день его должны были освободить из-под стражи. Однако ни ему самому, ни его адвокату документы об освобождении не выдали. Их передали сотрудникам полиции ОВД Красносельского района города Москвы, которые доставили Акрама Каримова из СИЗО в своё отделение. Там его задержали за «незаконное» пребывание в России. Однако, поскольку во время пребывания под стражей Акрам Каримов подал ходатайство о предоставлении ему статуса беженца, его не должны были принудительно выслать в страну гражданской принадлежности до завершения процедуры определения статуса беженца.

В нарушении этого требования Федеральная миграционная служба обратилась за постановлением о выдворении Акрама Каримова в связи с его незаконным пребыванием в стране. Восемнадцатого сентября запрос властей об административном выдворении был заслушан в Мещанском районном суде, где представитель прокуратуры города Москвы уведомил суд о том, что дело об экстрадиции Акрама Каримова находится на рассмотрении Генеральной прокуратуры. Судья постановил, что решение об административном выдворении Акрама Каримова не может быть принято до вынесения решения по экстрадиционному запросу.

На следующий день представитель Прокуратуры города Москвы предъявил суду телетайпограмму Генеральной прокуратуры в прокуратуру города Москвы об отказе в экстрадиции Акрама Каримова, датированном 17 сентября.

Наблюдатели из НПО уверены, что телетайпограмма была датирована задним числом с тем, чтобы суд мог принять решение об административном выдворении.

Действительно, после возобновления слушания по административному делу 19 сентября Мещанский районный суд постановил выдворить Акрама Каримова за пределы страны. Суд отказался принять во внимание материалы,

представленные защитником, в подтверждение того, что по возвращении в Узбекистан Акрама Каримова могут подвергнуть пыткам, а также доводы о том, что процедура определения статуса просителя убежища ещё не завершена. Кроме того, суд отказался выслушать представителя УВКБ ООН, которого адвокат пригласил на слушания в качестве эксперта. Акрам Каримов обжаловал это решение, однако 10 октября 2012 года Московский городской суд отказал ему, оставив в силе решение о его выдворении из России.

Акрам Каримов обратился с жалобой в Европейский суд по правам человека. Четвёртого октября суд распорядился о временных мерах, потребовав от России приостановить высылку до рассмотрения его дела по существу.

Акрам Каримов подал ходатайство о предоставлении ему статуса беженца в 2012 году, однако получил отказ Федеральной миграционной службы. Семнадцатого января 2013 года он попытался обжаловать это решение, обратившись в установленном порядке к соответствующему сотруднику СИЗО, однако та, по сообщениям, отказалась принять заявление. После вмешательства адвоката сотрудница СИЗО сделала вид, что направила заявление в суд, срок подачи которого истек 19 января. Однако два дня спустя – 21 января – адвокат Акрама Каримова выяснил, что заявление так и не дошло до суда. Сотрудница СИЗО отрицала факт подачи заявления, несмотря на то, что Акрам Каримов передал ей документы в присутствии адвоката. Адвокат обратился с жалобой к начальнику СИЗО, после чего сотруднице поручили доставить заявление в суд самой. Суд оставил заявление Акрама Каримова без удовлетворения, и по состоянию на момент составления доклада его адвокат обжаловал это решение в суде последней инстанции. Сам он находится в СИЗО «Северный» для иностранных граждан, ожидающих депортации в Московской области. Amnesty International обеспокоена тем, что в случае высылки в Узбекистан Акрама Каримова могут подвергнуть пыткам и жестокому обращению.

Дело Исмона Азимова — ещё одна иллюстрация методов, к которым прибегают российские власти, чтобы не допустить освобождения лиц, разыскиваемых государствами-участниками СНГ. Это делается для того, чтобы впоследствии выслать их в запрашивающую страну, несмотря на серьёзную опасность пыток и жестокого обращения.

ИСМОН АЗИМОВ

Власти Таджикистана обвинили Исмона Азимова⁸³ в принадлежности к ИДУ⁸⁴ и на момент составления доклада добивались его экстрадиции из России в связи с предполагаемым участием в военных сборах и пропагандой ИДУ в октябре 2007 года. Есть все основания полагать, что обвинения могли носить политически-мотивированный характер⁸⁵.

Исмона Азимова арестовали в России третьего ноября 2010 года.

После ареста он обратился с ходатайством о предоставлении убежища в России, но получил отказ.

23 июня 2011 года заместитель генерального прокурора Российской Федерации санкционировал его экстрадицию. Исмон Азимов попытался обжаловать это решение, но безуспешно. Второе заявление о пересмотре его дела должны были заслушать в Верховном Суде девятого ноября 2011 года, однако предельный срок содержания под стражей, предусмотренный российским законодательством в связи с экстрадиционной проверкой, истекал третьего ноября. Именно в этот день Исмона Азимова должны были освободить из-под стражи.

Однако второго ноября в отношении Исмона Азимова было принято решение об административном выдворении за пределы России за нарушение правил пребывания иностранных граждан в России. В связи с этим его перевели в серпуховский следственный изолятор, где содержат под стражей лиц, ожидающих депортации.

Девятого ноября 2011 года Верховный Суд Российской Федерации постановил выслать Исмона Азимова, не дожидаясь окончательного рассмотрения Московским областным судом вопроса о законности отказа в предоставлении убежища.

В начале ноября 2011 года Европейский суд по правам человека запросил российское правительство, будет ли отложено исполнение решения об экстрадиции до рассмотрения заявления Исмона Азимова по вопросу об отказе в предоставлении статуса беженца.

В период подготовки ответа на запрос суда, сотрудники силовых структур, по сообщениям, посетили Азимова поздно ночью, принуждая «добровольно» вернуться в Таджикистан. Они сфотографировали Исмона Азимова, вероятно, для того чтобы подготовить выездные документы, поскольку у него не было паспорта. Исмон Азимов отказался «добровольно» возвращаться на родину.

Двадцать третьего ноября 2011 года Европейский суд по правам человека распорядился о временных мерах, запрещающих его экстрадицию до рассмотрения судом его заявления. В связи с этим Исмона Азимова оставили под стражей.

Год спустя адвокату Исмона Азимова стало известно о том, что её подзащитного должны освободить из-под стражи на год раньше⁸⁶ – второго ноября 2012 года. Это неожиданное сообщение обеспокоило российские НПО и Amnesty International. Опасаясь возможного похищения и принудительной высылки Исмона Азимова в Таджикистан после освобождения, НПО разослали соответствующие пресс-релизы. В итоге Исмона Азимова так и не освободили из-под стражи. Правозащитные наблюдатели уверены, что это решение было принято после публикации заявлений НПО о возможном предстоящем похищении Исмона Азимова.

Amnesty International по-прежнему обеспокоена тем, что в случае высылки в Таджикистан Исмону Азимову⁸⁷ грозят пытки и жестокое обращение.

Восемнадцатого апреля 2013 года Европейский суд по правам человека постановил, что возвращение Исмона Азимова приведёт к нарушению статьи 3 конвенции⁸⁸.

Амира Кабулова⁸⁹ задержали в **Украине** с целью экстрадиции в Казахстан. Задержанный находился под стражей с августа 2004 года по февраль 2010 года. На тот момент украинское законодательство не предусматривало предельных сроков содержания под стражей для лиц, подлежащих экстрадиции⁹⁰, в связи с чем задержанных могли бессрочно удерживать под стражей, не уведомляя о сроках и не гарантируя возможность обжаловать задержание в судебном порядке. В 2011 году вступили в силу законодательные поправки, которые ограничили содержание под стражей лиц, подлежащих депортации, восемнадцатью месяцами, и гарантировали возможность пересматривать законность задержания каждые два месяца. После вступления в силу указанных поправок, украинские власти, очевидно, решили прибегнуть к другим средствам, чтобы удовлетворить запрос казахстанских властей о высылке. Соответствующие должностные лица придумывали всё новые и новые приёмы для того, чтобы оставить Амира Кабулова под стражей с целью последующей экстрадиции. Так, например, его пытались привлечь к уголовной ответственности за преступления, якобы совершённые на территории Узбекистана, предъявляли, по-видимому, сфабрикованные обвинения в совершении преступных деяний на территории Украины, запугивали и угрожали.

АМИР КАБУЛОВ

В июне 2003 года Амиру Кабулову предъявили обвинения в убийстве Ули Жумахана в Казахстане, в связи с чем Интерпол объявил его в розыск. Его задержали 23 августа 2004 года на территории Украины. Амира Кабулова удерживали под стражей в Украине с момента задержания до 26 февраля 2010 года с целью экстрадиции в Казахстан.

В ноябре 2004 года Амир Кабулов подал жалобу в Европейский суд по правам человека, утверждая, что в случае высылки в Казахстан его могут предать смертной казни; подвергнуть пыткам и другому жестокому обращению; судить в нарушение процедур справедливого судебного разбирательства. Кроме того, он заявил, что решение об экстрадиции было принято в нарушение установленных законом процедур, и что украинские власти произвольно удерживают его под стражей, не обеспечив возможности обжаловать задержание. Двадцать третьего ноября 2004 года ЕСПЧ распорядился о временных мерах, обязав правительство Украины приостановить экстрадицию до рассмотрения судом заявления Амира Кабулова. Двадцать четвёртого ноября 2004 года Генеральная прокуратура приостановила процедуру высылки.

В сентябре 2008 года в ЕСПЧ пришло заявление Амира Кабулова с сопроводительным письмом начальника следственного изолятора, в котором он якобы выразил желание отозвать жалобу с тем, чтобы его могли экстрадировать в Казахстан. Позднее он рассказал своей матери и адвокату, что письмо его заставил написать начальник следственного изолятора. В ноябре задержанный попросил адвоката продолжить процедуру рассмотрения жалобы в ЕСПЧ.

В итоге в мае 2010 года суд постановил, что, в случае высылки Амира Кабулова в Казахстан, Украина нарушит положения статьи 3 ЕКПЧ. Кроме того, суд признал, что Украина нарушила право задержанного на свободу (статья 5 ЕКПЧ), а также право на эффективное средство правовой защиты в случае нарушения Конвенции (статья 13). Эти права были нарушены, поскольку Амиру Кабулову не предоставили эффективное средство правовой защиты, прибегнув к которому тот смог бы обжаловать экстрадицию и законность своего задержания. При этом ещё до того, как суд вынес данное решение, Генеральная прокуратура Украины возбудила против него уголовное дело в рамках законодательства страны по обвинению в убийстве Ули Жумахана в Казахстане в 2003 году. Однако 26 февраля 2010 года суд Киевского района города Харькова постановил освободить Амира Кабулова под залог с целью последующей экстрадиции в связи с тем, что убийство, совершённое гражданином другой страны не на территории Украины, не подпадает под юрисдикцию украинского суда. Девятого сентября 2010 года Амира Кабулова задержали повторно. На этот раз его обвинили в краже кошелька со 127 гривнами (примерно девять фунтов стерлингов) в торговом комплексе. Десятого сентября суд Московского района города Харькова постановил освободить задержанного под залог, но уже 30 сентября, когда обвинения в краже было дополнено обвинением в убийстве, Амира Кабулова задержали в очередной раз. Он оставался под стражей в следственном изоляторе в Харькове до тех пор, пока в 2012 году не скончался от заболевания печени.

6. НЕДОСТАТОЧНАЯ ЗАЩИТА ПРОСИТЕЛЕЙ УБЕЖИЩА И БЕЖЕНЦЕВ ОТ ЭКСТРАДИЦИИ

6.1 ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЫТКАМ ПРОСИТЕЛЕЙ УБЕЖИЩА И БЕЖЕНЦЕВ

В государствах-участниках СНГ просителям убежища и беженцам, подлежащим экстрадиции, зачастую не предоставляют возможности в полной мере воспользоваться гарантиями защиты, предусмотренными международным правом. В результате их высылают в страны, где они с большой долей вероятности могут подвергнуться преследованию либо серьёзно пострадать, в том числе стать жертвой пыток и других видов жестокого обращения.

На всей территории СНГ беженцы и просители убежища не защищены от высылки в страны Центральной Азии, в частности, в Узбекистан и Таджикистан⁹¹, в нарушение международных обязательств государств, в том числе взятых на себя в рамках Конвенции о статусе беженцев и Конвенции ООН против пыток.

Все просители убежища должны считаться беженцами до тех пор, пока их ходатайства не будут рассмотрены в рамках справедливой и эффективной процедуры определения статуса и они не получают отказ в международной защите. Следовательно, просители убежища также имеют право на защиту по принципу недопустимости принудительного возвращения (*non-refoulement*): власти не вправе выслать или выдворить их из страны пребывания до завершения процедуры определения их статуса, включая все этапы рассмотрения апелляций.

Тем не менее, во многих странах СНГ власти в ускоренном порядке отказывают в предоставлении убежища лицам, разыскиваемым по запросам об экстрадиции⁹², либо вовсе высылают их, не дожидаясь окончательного рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища⁹³, как это произошло, например, с Рустамом Зохидовым.

РУСТАМ ЗОХИДОВ

Рустама Зохидова – просителя убежища из Узбекистана – задержали в Санкт-Петербурге 21 декабря 2011 года. В тот же день его принудительно вернули в Узбекистан авиарейсом. Высылка состоялась, невзирая на постановление Европейского суда, который 19 ноября 2010 года распорядился о временных мерах. Кроме того, на тот момент Рустам Зохидов пытался обжаловать в суде отказ Федеральной миграционной службы в предоставлении ему статуса беженца, и решение по его заявлению ещё не было принято. Позднее власти

уведомили Европейский суд о том, что Управлению Федеральной миграционной службы по Санкт-Петербургу якобы не было известно о том, что в отношении Рустама Зохидова действовали временные меры по Правилу 39. При этом сам Рустам Зохидов утверждает, что он предъявил сотрудникам УФМС, явившимся к нему домой с целью задержания, заверенную копию заявления в апелляционный суд (Дзержинский районный суд) о признании незаконным отказа в предоставлении ему статуса беженца. Кроме того, он незамедлительно позвонил своему адвокату, который по телефону уведомил работников УФМС о том, что Европейский суд потребовал от России не высылать его подзащитного из страны до окончательного рассмотрения соответствующей жалобы. Несмотря на все усилия, Рустама Зохидова доставили в петербургский аэропорт и отправили прямым рейсом в Самарканд (Узбекистан). По прибытии в Узбекистан он был взят под стражу сотрудниками СНБ. В апреле 2012 года его приговорили к восьми годам лишения свободы по итогам несправедливого судебного процесса. Родственники, которых не допустили в зал суда, видели его мельком, однако успели, по их словам, разглядеть синяки у него на лице. Как сообщалось, самого Рустама Зохидова, его родственников и адвокатов принуждали отказаться от решения обжаловать вердикт суда. Адвокатам угрожали отзывом лицензии. Рустам Зохидов предупредил родственников о том, что СНБ прослушивает их телефоны, и попросил не звонить адвокатам, представлявшим его интересы в России, «*во избежание дальнейших проблем*».

Пятого февраля 2013 года Европейский суд⁹⁴ постановил, что российские власти не провели тщательного расследования утверждения Рустама Зохидова о возможной угрозе пыток и жестокого обращения в Узбекистане. В частности, *«решения российских судов об отмене экстрадиции были, в основном, продиктованы техническими причинами... и не учитывали должным образом его обоснованное заявление об угрозе жестокого обращения с ним в случае его высылки»*.

В Украине просителям убежища, подлежащим экстрадиции, чаще всего не дают возможности обжаловать отказ в предоставлении им статуса беженца. В августе 2012 года УВКБ ООН уведомило Amnesty International о том, что отслеживает дела трёх просителей убежища, задержанных на основании запросов об экстрадиции со стороны Казахстана, Узбекистана и России. На момент составления доклада, двух из них уже выслали в Узбекистан и Россию.

РУСЛАН СУЛЕЙМАНОВ

Руслан Сулейманов – гражданин Узбекистана – переехал в Украину в ноябре 2010 года, опасаясь несправедливого судебного процесса, а также возможных пыток и жестокого обращения на родине. Он работал менеджером в частной строительной компании в Узбекистане, которая в 2008 году подверглась рейдерскому нападению со стороны конкурентов. Когда компания отказалась передать свои акции, сотрудники силовых органов провели в офисе обыск. В результате, многие менеджеры компании, в том числе Руслан Сулейманов, оказались под следствием по обвинению в экономических преступлениях.

Двадцать пятого февраля 2011 года Руслан Сулейманов явился в отдел Министерства внутренних дел в Чернигове (северная Украина) за разрешением на работу, где и был незамедлительно задержан. Двенадцатого мая 2011 года Генеральная прокуратура утвердила решение о его экстрадиции в Узбекистан с тем, чтобы на родине он предстал перед судом по обвинению в совершении экономических преступлений. Двадцатого мая 2011 года Руслан Сулейманов обратился с ходатайством о предоставлении ему убежища в Украине. Второго июля 2012 года ему отказали в удовлетворении ходатайства в апелляционном порядке. Восемнадцатого сентября 2012 года Высший административный суд Украины оставил отказ в силе. Восемнадцатого мая 2012 года Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, действуя в рамках своего мандата, признало Руслана Сулейманова беженцем и начало процедуру его переселения. Несмотря на то, что УВКБ ООН признало его беженцем, Руслана Сулейманова экстрадировали в Узбекистан 20 сентября. Незадолго до экстрадиции, киевский офис УВКБ ООН в сентябре выпустил пресс-релиз, в котором прозвучало опасение о возможном преследовании высылаемого лица в случае его высылки в Узбекистан. Имя Руслана Сулейманова в пресс-релизе указано не было. По словам родственников, по состоянию на март 2013 года Руслан Сулейманов всё ещё находился в следственном изоляторе в Ташкенте.

В Казахстане первого января 2010 года вступил в силу новый закон «О беженцах», действие которого не распространяется на некоторые категории просителей убежища, лишая их права на статус беженца. К таковым относятся лица, которым в стране гражданской принадлежности были предъявлены обвинения в участии в незаконных, незарегистрированных или запрещённых политических или религиозных партиях и движениях. Это исключение, в первую очередь, касается правоверных мусульман из Узбекистана, которые посещают мечети, неподконтрольные государству, а также участников и предполагаемых участников исламистских партий и исламских движений, запрещённых в Узбекистане, вынужденных бежать, спасаясь от преследования или опасаясь возможных гонений из-за своих религиозных убеждений и конфессиональной принадлежности. Как отметил Европейский суд по правам человека, эти лица чаще других подвергаются пыткам и жестокому обращению. Под упомянутое выше исключение подпадают также уйгуры из Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) на северо-западе Китая, обвиняемые или подозреваемые в принадлежности к сепаратистским движениям или партиям.

Центральная комиссия по определению статуса беженца, учреждённая на основании нового закона «О беженцах», пересмотрела дела всех лиц, ранее признанных беженцами (или лицами, имеющими право на международную защиту по другим основаниям) УВКБ ООН. Комиссия аннулировала статус беженца у всех лиц, ранее наделённых этим статусом УВКБ ООН, за исключением незначительной группы выходцев из Узбекистана и Китая, большинству из которых предстояло переселение в третью страну. С тех пор не менее 30 человек, лишившихся статуса беженца, были принудительно высланы в Узбекистан и Китай.

В 2011 году в Заключительных замечаниях по итогам рассмотрения доклада Казахстана Комитет по правам человека выразил обеспокоенность «сообщениями о том, что некоторые лица, в частности граждане Узбекистана и Китая, которые

могли бы иметь веские основания для ходатайства о предоставлении убежища или статуса беженца, лишены защиты, обеспечиваемой принципом недопустимости принудительного возвращения, из-за обязательств, взятых на себя государством-участником по Минской конвенции о правовой помощи для граждан Содружества Независимых Государств». Комитет, кроме того, рекомендовал Казахстану: «Государству-участнику следует в полной мере соблюдать принцип недопустимости принудительного возвращения и следить за тем, чтобы со всеми лицами, нуждающимися в международной защите, на всех этапах обращались соответствующим и справедливым образом согласно Пакту»⁹⁵.

6.2 РОЛЬ УВКБ ООН В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТУПНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ

После распада СССР в 1990-х годах все страны в составе Содружества Независимых Государств (СНГ) за исключением **Узбекистана** присоединились к Конвенции о статусе беженцев 1951 года, после чего в различные сроки приняли соответствующие законодательные акты о беженцах и выработали процедуры предоставления убежища. Однако большинство стран СНГ поначалу не признавало право просителей убежища из стран «ближнего зарубежья» (то есть из государств бывшего СССР) и уйгуров⁹⁶ из Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) в Китае на международную защиту в других странах СНГ.

Таким образом, в отсутствие отлаженных внутригосударственных процедур определения статуса беженца для просителей убежища из стран СНГ, региональным представительствам УВКБ ООН было поручено рассматривать ходатайства о предоставлении убежища и определять, могут ли заявители претендовать на получение статуса беженцев по мандату УВКБ ООН, а также обеспечивать защиту лиц, получивших статус беженцев по мандату УВКБ ООН. Лиц, признанные беженцами по мандату УВКБ ООН, направляли на переселение в третьи страны. Те же, кому отказали в предоставлении статуса беженца, оказались без защиты, и им грозило принудительное возвращение на родину.

По мере того, как правительства постепенно брали на себя ответственность за определение статуса беженцев, в том числе в отношении просителей убежища из стран СНГ и СУАР, УВКБ ООН стало выполнять надзорную роль в рамках статьи 35 Конвенции о статусе беженцев⁹⁷. УВКБ ООН следит за соблюдением надлежащих процедур и доводит до сведения правительств тревожащие его вопросы касательно нарушений международных обязательств государств и норм международного права. Статус беженца в рамках беженской конвенции в первую очередь определяется государством-участником, на территории которого данное лицо обращается за предоставлением статуса беженца⁹⁸. Конвенция о статусе беженцев предусматривает сотрудничество государств-участников и УВКБ ООН, в том числе в ряде случаев при определении статуса беженца⁹⁹.

Будучи участниками Конвенции о статусе беженцев, **Казахстан, Россия, Украина** и другие страны СНГ, за исключением **Узбекистана**, обязались предоставлять УВКБ ООН действенные возможности для проведения консультаций по вопросам возможной экстрадиции и депортации, а кроме того — предоставлять агентству в

полном объеме информацию, которая позволит ему выполнять свои обязанности.

На всей территории региона правоприменительная практика в области защиты беженцев и определения статуса беженцев не отвечает международным стандартам. Как следствие, представительства УВКБ ООН в **Украине** и **Кыргызстане**, например, по-прежнему проводят собеседования с просителями убежища, определяя их право на международную защиту, в том числе на основании риска при возвращении их на родину, в частности — в Россию, Узбекистан и СУАР в Китае. Таким образом, представительства УВКБ ООН по-прежнему предоставляют статус беженца лицам по своему мандату и организуют их переселение в третьи страны.

Тем не менее, Amnesty International обеспокоена тем, что представительствам УВКБ ООН в Украине и Казахстане отнюдь не всегда позволяют эффективно и своевременно отслеживать соблюдение Конвенции о статусе беженцев. Тот факт, что ряд правительств ограничивает допуск УВКБ, подрывает защиту просителей убежища и беженцев.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ 29 УЗБЕКСКИХ БЕЖЕНЦЕВ И ПРОСИТЕЛЕЙ УБЕЖИЩА

29 узбекских беженцев и просителей убежища задержали в Казахстане в 2010 году. Из них 28 человек выдали Узбекистану в 2011 году, поскольку казахстанские власти не признали их беженцами в связи с тем, что те представляли угрозу безопасности. По возвращении на родину им грозили пытки и жестокое обращение. В период с 2005 по март 2010 года представительство УВКБ ООН в Алма-Ате признало 17 человек из данных 29 задержанных беженцами по своему мандату. В 2009 году нескольких человек из их числа приняла на переселение третья страна, и они ожидали скорого отъезда.

Однако первого января 2010 года в Казахстане вступил в силу закон «О беженцах», все процедуры определения статуса беженцев теперь стали осуществлять казахстанские власти. Они пересмотрели все ходатайства о предоставлении убежища, которыми занималось представительство УВКБ ООН в Алма-Ате. Власти лишили статуса беженцев всех лиц, получивших его по мандату УВКБ ООН, в том числе задержанных 17 узбеков. Это решение было обосновано тем, что мужчины состояли в исламистских движениях и организациях, запрещённых в Узбекистане, и поэтому представляли угрозу государственной безопасности и не могли претендовать на международную защиту в рамках закона Казахстана «О беженцах»¹⁰⁰.

По имеющейся у Amnesty International информации, после того, как казахстанские власти приняли решение об отмене статуса беженцев, УВКБ ООН также лишило статуса беженцев 17 человек, которым ранее предоставило его в рамках своего мандата. За исключением одного просителя убежища, которого в итоге отпустили и присвоили статус беженца в рамках казахстанского законодательства¹⁰¹, Комиссия по осуществлению процедуры присвоения, продления, лишения и прекращения статуса беженца отказала задержанным в статусе беженцев, и в июне 2011 года их всех экстрадировали в Узбекистан.

Насколько известно Amnesty International, УВКБ ООН решило отозвать статус беженцев, ранее предоставленный этим 17 лицам, на основании «доказательств», ставших известными агентству уже после признания этих лиц беженцами. По данным организации, ряд этих «доказательств» был передан УВКБ ООН узбекистанскими и казахстанскими властями. Согласно их информации, некоторые из этих мужчин подозревались в принадлежности к «Хизб ут-Тахрир». Однако принадлежность к этой организации сама по себе не может служить основанием для каких-либо исключений¹⁰². В частности, это касается членства в такой организации, как «Хизб ут-Тахрир», которая является законной в США и Великобритании. Некоторые из этих 17 человек обвинялись в принадлежности к организациям «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) и «Союз исламского джихада» (СИД). Казахстан, Узбекистан и другие страны мира признали обе организации «террористическими». Активное участие в деятельности ИДУ и СИД может в определённых обстоятельствах послужить поводом для исключения. Однако власти Узбекистана ранее прибегали к обвинениям в принадлежности к «Хизб ут-Тахрир», ИДУ и СИД с целью преследования лиц, посещающих неподконтрольные государству мечети.

Кроме того, УВКБ ООН и казахстанские власти знали (либо должны были знать), что в случае возвращения в Узбекистан 17 указанным мужчинам (независимо от принадлежности к каким-либо из вышеперечисленных исламистских организаций) грозила реальная опасность содержания под стражей без связи с внешним миром, пыток и жестокого обращения, а также длительные тюремные приговоры с последующим содержанием в жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство условиях, вынесенные по итогам несправедливых процессов¹⁰³.

В письменном заявлении, представленном Комитету против пыток ранее в сентябре 2011 года, Казахстан пояснил, что УВКБ ООН приняло решение о «*лишении*» статуса беженцев 17 человек на основании «*достоверной и проверенной информации*», предоставленной правительством Казахстана, согласно которой «*нахождение заявителей в Казахстане представляет угрозу для государства-участника и может нанести серьёзный ущерб безопасности других стран*»¹⁰⁴.

Однако как бы то ни было, казахстанские власти не освобождаются от своих обязательств в области прав человека, согласно которым возвращение этих лиц на родину недопустимо в связи с указанными выше факторами риска, независимо от того, представляли ли эти лица «угрозу». Принцип невозвращения в рамках международного права в области прав человека не допускает отступлений¹⁰⁵.

В итоге по возвращении в Узбекистан не менее 12 из этих человек приговорили к длительным срокам лишения свободы по результатам вопиюще-несправедливых судебных процессов. Во время устного представления на специальном заседании Комитета ООН против пыток, состоявшемся в июне 2012 года в Женеве, представители Казахстана сообщили комитету, что они направили УВКБ ООН копию соглашения в рамках ШОС, а также Минскую конвенцию, и разъяснили свои обязательства в рамках этих соглашений экстрадировать данных лиц. Представители казахстанской стороны также сообщили, что УВКБ не высказало

возражений на этот счёт¹⁰⁶.

Amnesty International обеспокоена несоблюдением процедурных гарантий при отмене статуса беженца этих лиц, а также тем, что эти лица оказались лишены права обжаловать решение УВКБ об отзыве статуса беженца в рамках мандата УВКБ. Родственники и представители этих 17 человек заявили, что тем не дали возможности опровергнуть имеющиеся против них «доказательства». Насколько известно Amnesty International, эти лица не получили писем с обоснованием решения УВКБ. Кроме того, насколько известно организации, ни одному из них не предоставили возможность опровергнуть имеющиеся против них доказательства и обжаловать решение. Как сообщалось, УВКБ также не вручило им письменных уведомлений с чётким указанием того, что, каково бы ни было решение УВКБ, оно признаёт обоснованные опасения этих лиц в связи с преследованиями по возвращении в Узбекистан, и отказ правительства Казахстана предоставить им статус беженцев не исключает другие формы защиты их прав, на которые они могут претендовать в Казахстане¹⁰⁷.

АРШИДИН ИСРАИЛ

УВКБ также лишило статуса беженца по мандату УВКБ уйгура Аршидина Ибраима, которого в мае 2011 года в принудительном порядке возвратили в Китай из Казахстана. По словам его адвоката, УВКБ подтвердило, что у Аршидина Ибраима имелась возможность обжаловать решение о лишении его статуса беженца, в том числе путём представления УВКБ доказательств, свидетельствующих против лишения его статуса беженца и подтверждающих его право сохранить за собой этот статус. Однако Amnesty International обеспокоена тем, что УВКБ не предоставило Аршидину Ибраиму и его адвокату информации о том, чем именно было обосновано решение о лишении его статуса беженца — якобы по соображениям конфиденциальности. Таким образом, Аршидину Ибраиму оказалось невозможно опровергнуть доводы, представленные УВКБ.

Amnesty International направила УВКБ ООН черновую версию настоящего доклада для получения отзыва. В своём отзыве УВКБ никак не отреагировало на поставленные организацией вопросы касательно отказа объяснить причины «отмены» статуса беженцев в отношении указанных лиц либо обеспечить возможности для значимого обжалования его решений. В этой связи организация по-прежнему глубоко озабочена тем, что УВКБ лишило лиц, которым грозят пытки и жестокое обращение, основных процедурных гарантий, на которые те имеют право.

Кроме того, в ряде случаев представительства УВКБ, обращаясь к заинтересованному правительству, не подчеркнули, что такие лица по-прежнему нуждаются в международной защите, даже если они более не входят в сферу компетенции УВКБ. В частности, УВКБ не поясняло, что в случае возвращения им всё так же грозят пытки, и что запрет пыток носит абсолютный характер в рамках международного права, а это, в свою очередь, связано с обязательством соблюдать принцип невозвращения, вытекающий из запрета пыток. Таким образом, УВКБ, по-видимому, не высказало возражений (по крайней мере, публично) против возвращения лиц, которым грозят пытки, на основании того, что они несут угрозу государственной безопасности. В этой

54 ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЫТКАМ
Экстрадиция, принудительное возвращение и выдворение лиц в страны Центральной Азии

связи Amnesty International обеспокоена тем, что правительства оправдывают свои действия этим публичным молчанием.

7. ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

7.1 ВЫВОДЫ

Программа выдачи под эгидой США носила секретный характер, по крайней мере некоторое время. Её изобличение во многом способствовало её прекращению. Сегодня в странах бывшего СССР происходит то же самое, хотя менее централизованно и не столь согласованно, но ничуть не в меньших масштабах. И при этом — никакой завесы секретности. Европейский суд по правам человека и механизмы ООН бесчисленное множество раз изобличали происходящее в своих постановлениях и решениях; УВКБ известно о множестве пострадавших. Это происходит сегодня, сейчас, на глазах у международного сообщества, но никто не говорит об этом ни слова.

Пытки — это преступление в рамках международного права. Запрет пыток — фундаментальный принцип международно-правовой базы в области прав человека. Пренебрежение этим ключевым принципом напрямую затрагивает всех. Страны СНГ должны гарантировать соблюдение полного запрета в рамках международного права на возвращение лиц при наличии угрозы пыток. И если международно-правовая база в области прав человека хоть что-то значит, международное сообщество должно добиться её соблюдения, видя столь возмутительное пренебрежение одним из её фундаментальных принципов.

7.2 РЕКОМЕНДАЦИИ

Всем странам-членам СНГ:

- позаботиться о том, чтобы ни одно лицо в пределах их юрисдикции не было возвращено (посредством экстрадиции или любым другим способом) в страны, где такому лицу могут грозить пытки или другие виды жестокого обращения;
- воздержаться от применения дипломатических гарантий (не полагаться на них) с целью обойти данное обязательство и вернуть (тем или иным образом, включая экстрадицию) лицо в такую страну, где ему грозят пытки и жестокое обращение;
- при запросе о возвращении лица в какую-либо страну (путём экстрадиции или любым другим способом) гарантировать данному лицу эффективную возможность для пересмотра этого решения. В ходе пересмотра следует всесторонне оценить все угрозы, с которыми данное лицо может столкнуться по возвращении. В конечном итоге ему следует предоставить возможность обжаловать решение о возвращении в судебном порядке. Никто не должен быть возвращён в обход этих процедур;
- позаботиться о том, чтобы обязательства в рамках международного права в области прав человека были отражены в двусторонних и региональных соглашениях в области безопасности и правосудия, и чтобы они носили приоритетный характер.

Всем государствам Центральной Азии:

- гарантировать, чтобы все задержанные, в том числе экстрадированные либо возвращённые из других стран, могли с момента взятия под стражу пользоваться правом связаться с родственниками либо иной третьей стороной, а также правом на конфиденциальные встречи с адвокатом по своему выбору и независимым врачом;
- создать систему регулярных, независимых и неограниченных проверок всех мест лишения свободы без предварительного уведомления, в ходе которых проверяющие могли бы встречаться с задержанными в конфиденциальной обстановке;
- позаботиться о том, чтобы все судебные разбирательства, в том числе по делам лиц, принудительно возвращённых в страны Центральной Азии, отвечали международным нормам и стандартам, касающимся справедливости судебного разбирательства.

Украине и Российской Федерации:

- в полной мере исполнять все постановления Европейского суда по правам человека и решения о применении предварительных мер по делам о возвращении и экстрадиции.

Евросоюзу и государствам-членам Евросоюза:

- соблюдать Руководство по политике ЕС по поводу пыток, в котором чётко оговаривается, что искоренение пыток «является приоритетом политики ЕС в области прав человека», а именно:
 - поднимая проблему пыток в ходе всех политических переговоров со странами Центральной Азии и во время визитов, а не только в ходе обсуждения вопросов в области прав человека;
 - предпринимая демарши и публикуя заявления с призывом к властям государств Центральной Азии искоренить пытки и ввести эффективные гарантии против пыток и других видов жестокого обращения;
 - направляя представителей посольства для наблюдения за ходом судебных разбирательств при наличии оснований предполагать, что обвиняемые, проходящие по этим делам, подвергались пыткам и жестокому обращению.

Комитету министров Совета Европы:

- эффективно отслеживать выполнение постановлений Европейского суда по правам человека и предварительных мер, касающихся дел о возвращении и экстрадиции лиц в Центральную Азию;

УВКБ ООН:

- во всех случаях принятия решений УВКБ ООН, в том числе в контексте отмены статуса беженца, УВКБ ООН должно позаботиться о том, что решения в отношении данных лиц принимаются обоснованно, и что этим лицам предоставляется возможность обжаловать решения в строгом соответствии с основными процедурными гарантиями;

- в каждом случае, когда УВКБ ООН известно либо должно быть известно о том, что в случае возвращения данное лицо подвергнется реальной угрозе преследований и другого серьёзного вреда, УВКБ ООН должно чётко информировать государственные органы, что действие обязательств в области прав человека не прекращается даже в тех случаях, когда беженское право неприменимо.

8. ПРИЛОЖЕНИЕ 1: КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ВОПРОСОВ, ВЫЗЫВАЮЩИХ ОБЕСПОКОЕННОСТЬ AMNESTY INTERNATIONAL В СВЯЗИ С ПЫТКАМИ И ЖЕСТОКИМ ОБРАЩЕНИЕМ В КАЗАХСТАНЕ, КЫРГЫЗСТАНЕ, ТАДЖИКИСТАНЕ, ТУРКМЕНИСТАНЕ И УЗБЕКИСТАНЕ

8.1 КАЗАХСТАН

В мае 2009 года Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках опубликовал заявление о ситуации в **Казахстане**, в котором пришёл к выводу, что «*применение насилия и жестокого обращения едва ли ограничивается отдельными случаями*». В своём докладе, вышедшем в феврале 2010 года, он вновь подчеркнул эту проблему и заключил, что «*между законодательством и реальным положением дел сохраняется*

значительный разрыв»¹⁰⁸.

Несмотря на многократные утверждения правительства о том, что Казахстан прислушался к замечаниям Специального докладчика, сообщения о пытках и жестоком обращении со стороны силовиков по-прежнему поступают постоянно.

В июле 2011 года Комитет ООН по правам человека обсудил доклад Казахстана о выполнении страной Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП)¹⁰⁹. Комитет выразил сожаление по поводу того, что Казахстан не добился значительных успехов в деле искоренения пыток. Кроме того, Комитет усомнился в политической воле властей к выполнению своих обязательств, особенно в части проведения эффективных расследований по фактам утверждений о пытках и других видах жестокого обращения. В том же месяце президент пошёл на регрессивный шаг, подписав указ, согласно которому пенитенциарная система выводилась из-под контроля Министерства юстиции и вновь передавалась в ведение Министерства внутренних дел, тем самым сведя на нет усилия последних лет по реформированию этой сферы. После передачи тюрем и СИЗО в ведение Министерства юстиции в 2004 году посещение этих учреждений общественными наблюдателями значительно упростилось. Напротив, посещение полицейских изоляторов и других мест содержания под стражей, подконтрольных МВД, оставалось проблематичным, и большинство сообщений о пытках по-прежнему поступает из этих мест.

Власти Казахстана всё так же ссылаются на противодействие терроризму и другим угрозам государственной безопасности как на решающие факторы обеспечения стабильности в стране и регионе. В этой связи особый интерес для КНБ по части преследований представляют исламистские группировки и партии, не имеющие регистрации либо запрещённые на территории Казахстана, а также религиозные меньшинства и просители убежища из сопредельных стран, в частности — из Китая и Узбекистана. В мае 2012 года на особом заседании Комитета ООН против пыток (КПП), на котором слушалось дело об экстрадиции 28 узбеков на родину в июне 2010 года, представитель казахстанской стороны отметил, что его государство *«сотрудничает с Узбекистаном и ежегодно экстрадирует в среднем 40 человек, проходящих по уголовным делам. С 2007 года УВКБ переселило 215 узбекских граждан в третьи страны»*¹¹⁰.

С 2011 года власти усилили операции по борьбе с терроризмом, направленные против не имеющих регистрации или запрещённых исламистских группировок, партий и организаций после беспрецедентного числа взрывов, предполагаемых атак смертников и насильственных нападениях неизвестных вооружённых группировок на территории страны. В ходе этих нападений, которые власти охарактеризовали как террористические акты со стороны незаконных исламистских группировок, было убито множество людей, в том числе силовики и гражданские лица.

Акт терроризма, повлекший смерть, — единственная статья Уголовного кодекса, предусматривающая смертную казнь в мирное время.

ЖАСУЛАН СУЛЕЙМЕНОВ

В ноябре 2009 года суд в Астане признал виновными в терроризме двух

двоюродных братьев и приговорил их к восьми годам лишения свободы по итогам судебного процесса, который независимые наблюдатели охарактеризовали как «вопиюще несправедливый».

В январе 2009 года на территории России сотрудники Федеральной службы безопасности (ФСБ) РФ задержали Жасулана Сулейменова и пятерых его знакомых. Как сообщалось, задержание было произведено по запросу КНБ Казахстана. Жасулан Сулейменов приехал в Россию на лечение. В феврале всех шестерых экстрадировали из России в Казахстан. Жасулана Сулейменова три дня удерживали под стражей без связи с внешним миром, а затем перевели в СИЗО КНБ в Астане. Остальных освободили, не предъявив обвинений. Сообщалось, что во время пребывания в СИЗО Жасулана Сулейменова били по ногам и другим частям тела, заковывали в наручники и душили, отказывали в пище и воде, а также в элементарной гигиене. Как стало известно, сотрудники КНБ угрожали ему, что причинят вред матери и младшему двоюродному брату. Родственники Жасулана Сулейменова утверждали, что ему отказывали в специальной медицинской помощи, необходимой человеку, страдавшему параличом нижних конечностей. Родственники Куата Жоболаева сообщили, что его фактически продержали под стражей без связи с внешним миром два месяца. Как стало известно, в этот период его подвергали пыткам и жестокому обращению.

Родные обоих мужчин многократно жаловались в прокуратуру в связи с заявлениями близких о содержании под стражей без связи с внешним миром, пытках, отказе КНБ предоставить им медицинскую помощь, а также в связи с отказом в свиданиях с родственниками и независимой юридической консультации. Все эти жалобы были отклонены как безосновательные.

Когда Жасулан Сулейменов находился в тюрьме, у него выявили остеомиелит (воспаление костной ткани и костного мозга, вызванное инфекцией). По словам родственников, из-за отсутствия надлежащей медицинской помощи в тюрьме на месте старого перелома одной ноги началась инфекция. Другая нога была повреждена в результате избиений во время пребывания под стражей.

За четыре года в тюрьме Жасулана Сулейменова более 11 месяцев продержали в одиночной камере. Его шесть раз переводили из тюрьмы в тюрьму и во время каждого этапирования избивали, в том числе по парализованным ногам. Как сообщалось, в сентябре 2011 года, когда Жасулана Сулейменова доставили в очередную тюрьму, надзиратели сожгли лекарства, переданные ему родственниками.

16 декабря 2011 года во время празднования двадцатилетия независимости Казахстана в юго-восточном городе Жанаозен произошли самые ожесточённые столкновения за последние 20 лет. Празднование независимости омрачилось стычками демонстрантов с полицией. При этом не менее 15 человек были убиты и более 100 тяжело ранены. Беспорядки последовали за многомесячными забастовками нефтяников в связи с низкой зарплатой и неудовлетворительными

условиями труда.

После беспорядков освобождённые и их родственники сообщили, что множество людей, включая девушек, были схвачены и удерживались без связи с внешним миром в переполненных полицейских изоляторах. По их словам, задержанных раздевали донага, избивали, в том числе ногами, и обливали холодной водой. Журналисты сообщали, что слышали крики, доносившиеся из кабинетов допроса в отделениях полиции. Однако независимым наблюдателям не удалось попасть в полицейские участки, и поэтому им оказалось сложно проверить подобные утверждения. Как утверждалось, по меньшей мере один человек скончался в результате пыток в полиции. В январе 2012 года по итогам расследования по факту применения полицией и армейскими подразделениями силы со смертельным исходом пятерым ответственным сотрудникам силовых структур предъявили обвинения в превышении должностных полномочий в связи с применением силы в Жанаозене. В мае их приговорили к лишению свободы на сроки от пяти до семи лет. Ряд полицейских, давших свидетельские показания в суде в качестве свидетелей, подтвердили, что открывали огонь прямо по демонстрантам, однако никаких обвинений им так и не предъявили.

Основной судебный процесс в отношении 37 демонстрантов, обвинённых в организации или участии в беспорядках, начался в конце марта 2012 года. Большинство обвиняемых отказались от своих признательных показаний в суде, заявив, что ранее дали их под давлением. Некоторые из них весьма подробно и ярко описали пытки и другие виды жестокого обращения, которым подвергались во время пребывания под стражей, а другие указали на сотрудников полиции и силовых структур, которые, по их словам, вершили произвол. По требованию председательствующего судьи Генеральная прокуратура рассмотрела заявления о пытках, но отклонила их. Семерых обвиняемых приговорили к лишению свободы на сроки до семи лет.

8.2 КЫРГЫЗСТАН

В **Кыргызстане** пытки и другие виды жестокого обращения по-прежнему носят повсеместный характер. В феврале Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках сообщил¹¹¹, что применение пыток и жестокого обращения для получения признательных показаний *«по-прежнему является широко распространённым явлением»*. Он также отметил, что *«на практике нет чётких процедур, предписывающих меры, которые должны применять суды, если выясняется, что показания получены путём пыток или жестокого обращения. Более того, на практике, как представляется, не предусмотрено никаких указаний для судов относительно применения данного правила или относительно необходимости распорядиться о возбуждении незамедлительного, беспристрастного и эффективного расследования, если эта норма нарушена»*.

В своём докладе¹¹², опубликованном в октябре 2012 года, международная НПО «Врачи за права человека» (ВПЧ) отметила, что крайне жестокие пытки, применяемые сотрудниками правоохранительных органов в структурах Министерства внутренних дел, которые они зафиксировали в ходе исследовательских миссий, *«как правило, наблюдаются в странах, где виновники совершенно безнаказанно систематически применяют пытки»*. Этнические узбеки из южной части страны особо подвержены

рisku пыток и жестокого обращения.

В результате столкновений между этническими кыргызами и этническими узбеками, произошедших в июне 2010 года в южных городах Кыргызстана Ош и Джалал-Абад и продлившихся четыре дня, сотни людей погибли, тысячи получили ранения и сотни тысяч обратились в бегство. Хотя тяжкие преступления совершались представителями обеих этнических групп, наибольшая доля ущерба и подавляющее число раненых и убитых пришлось на узбекскую часть населения.

В мае 2011 года Международная независимая комиссия по исследованию событий в июне 2010 года¹¹³ выявила убедительные доказательства того, что в ходе беспорядков в городе Ош в отношении этнических узбеков совершались преступления против человечности. Кыргызские власти отвергли вывод комиссии.

Спустя два года после беспорядков наблюдатели за положением с правами человека сообщают о сокращении числа произвольных арестов, однако пытки и жестокое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов, по всей видимости, всё так же носят систематический характер: во время задержания людей на улице и при доставке в СИЗО, при обыске жилищ, в ходе допроса и в ИВС. По всей видимости, сотрудники милиции продолжают целенаправленно преследовать этнических узбеков, угрожая им обвинениями в тяжких преступлениях (например, в убийстве), в связи с июньскими событиями 2010 года с целью вымогательства денег.

Лица, вернувшиеся с сезонных работ в России или Казахстане, либо лица, чьи родственники работают за рубежом, особо подвержены произвольным задержаниям, запугиванию и вымогательству, поскольку предполагается, что им легко доступны деньги и иностранная валюта.

И хотя тяжкие преступления совершали представители обеих этнических групп, наблюдатели за положением с правами человека обеспокоены тем, что этнических узбеков несоразмерно часто преследуют в уголовном порядке за причастность к массовым беспорядкам в связи с июньскими событиями 2010 года — до тех пор, пока власти имеют такую юридическую возможность¹¹⁴. Родственники по-прежнему неохотно жалуются в милицию и прокуратуру на пытки и жестокое обращение в отношении задержанных узбеков либо на запугивание и вымогательство, опасаясь мести.

В феврале 2012 года Специальный докладчик по вопросу о пытках выразил озабоченность тем, что *«серьёзные нарушения прав человека, совершённые в контексте ведущегося расследования событий июня 2010 года и после этих событий, продолжаются с неухаживающей силой и в последние месяцы»*.

С середины 2011 года адвокаты, защищавшие этнических узбеков, которые обвинялись в причастности к июньским событиям 2010 года, подвергались угрозам и физическим нападениям — даже в зале суда. Суды всех уровней, включая Верховный суд, систематически отказывались исключать из рассмотрения доказательства, полученные под пытками.

УСМОНЖОН ХОЛМИРЗАЕВ

Усмонжон Холмирзаев (узбек по национальности, имеющий российское гражданство) скончался девятого августа 2011 года. Как сообщалось, смерть

наступила в результате пыток спустя два дня после того, как милиционеры в штатском произвольно задержали его в Базар-Коргоне и доставили в местное отделение милиции. Незадолго до смерти он сообщил жене, что на него надевали противогаз и избивали. Сообщалось, что когда он упал, один из милиционеров два или три раза ударил Усмонжона Холмирзаева коленом в грудь, пока тот не потерял сознание. Милиционеры угрожали ему, что если он не заплатит им 6000 долларов США, ему предъявят обвинение в тяжких преступлениях в связи с июньскими событиями 2010 года. В конечном итоге его отпустили, когда родственники заплатили милиционерам 680 долларов США. Утром Усмонжона Холмирзаева госпитализировали, а на следующий день он скончался от полученных травм. Его жена и адвокат присутствовали на вскрытии. Они сообщили, что согласно результатам судебно-медицинской экспертизы, он скончался от внутреннего кровотечения. В августе 2011 года по официальному запросу российского консульства прокурор Джалал-Абадской области возбудил уголовное дело в отношении четверых милиционеров по ряду обвинений, включая пытки. В сентябре 2011 года до начала судебного разбирательства родственники обвиняемых угрожали насилием главным свидетелям обвинения, родным и адвокату Усмонжона Холмирзаева.

Из соображений безопасности судебное разбирательство по делу перенесли в Чуйскую область, что в 500 километрах от Базар-Коргона. Несмотря на это, главным свидетелям угрожали насилием, причём некоторые изменили свои показания в пользу обвиняемых. Несколько сочли необходимым покинуть страну, опасаясь за безопасность близких. В марте 2012 года судебные заседания вновь перенесли в Джалал-Абадский областной суд. В итоге председательствующий судья отправил дело на доследование и освободил обвиняемых милиционеров под залог. По состоянию на конец 2012 года прокурор Джалал-Абадской области так и не приступил к расследованию действий родственников и сторонников обвиняемых, несмотря на жалобы вдовы Усмонжона Холмирзаева и её адвокатов. Двадцать шестого декабря Джалал-Абадский областной суд отложил рассмотрение дела на неопределённый срок после того, как три адвоката защиты не явились на назначенные заседания.

Кыргызстан направил десятки запросов об экстрадиции этнических узбеков, которых власти обвиняют в организации и участии в июньских беспорядках 2010 года в Оше и Джалал-Абаде. Большинство разыскиваемых лиц бежало в Россию, а чуть меньшее число ищут убежища в Казахстане и Украине. В 2010 году Россия предоставила временное убежище этническим узбекам, попросившим его, и отказалась удовлетворить запросы Кыргызстана об экстрадиции. Однако в мае 2012 года Генеральная прокуратура России решила удовлетворить запрос об экстрадиции узбека Мамира Неманова, отменив своё решение только после вмешательства Европейского суда по правам человека. Суд потребовал, чтобы Россия отказалась от его экстрадиции.

Шестнадцатого октября Европейский суд по правам человека вынес решение по делу «Махмуджан Ергашев против России» о том, что в случае экстрадиции заявителя (узбека по национальности, имеющего кыргызское гражданство) в Кыргызстан, власти нарушат статью 3 Европейской конвенции о защите прав человека (запрет пыток и

других видов жестокого обращения, в том числе высылки лиц в места, где существует реальный риск того, что обращение с ними нарушит этот запрет). Суд впервые вынес решение об угрозе пыток и других видов жестокого обращения в отношении этнических узбеков, которым грозит возвращение в Кыргызстан после столкновений между этническими кыргызами и этническими узбеками в июне 2010 года¹¹⁵.

8.3 ТАДЖИКИСТАН

Из Таджикистана регулярно поступают сообщения о том, что сотрудники милиции и силовых структур подвергают людей пыткам и другим видам жестокого обращения, зачастую с целью «раскрыть» преступления, получив признательные показания. В своём докладе под названием «Разбитые жизни: пытки и жестокое обращение в Таджикистане», опубликованном в июле 2012 года¹¹⁶, Amnesty International изложила множество вызывающих озабоченность проблем. По итогам визита в Таджикистан в мае 2012 года Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках подчеркнул¹¹⁷, что *«давление на заключённых, в качестве средства получения признания, зачастую практикуется в Таджикистане в различных формах, включая угрозы, побои (кулаками, ногами, а также другими тяжёлыми предметами) иногда с применением электрошока»*. Специальный докладчик убеждён, что *«такие случаи происходят достаточно часто и в разных местах и, в этой связи, потребуются огромные скоординированные усилия для того, чтобы прекратить или значительно снизить применение подобных методов»*.

В ноябре 2012 года Комитет ООН против пыток отметил *«многочисленные и постоянные утверждения... об обычном применении пыток и жестоком обращении с подозреваемыми, особенно для принуждения их к даче признательных показаний... в основном в первые часы допроса в полицейском участке, а также в изоляторах временного содержания и в следственных изоляторах, находящихся в ведении Государственного комитета национальной безопасности [ГКНБ] и Управления по борьбе с организованной преступностью»*.

Однако Amnesty International также известно о недавних сообщениях о применении пыток и жестокого обращения в отношении детей, пожилых людей и свидетелей, проходящих по уголовным делам.

После 2010 года в Таджикистане произошли положительные изменения в части сокращения случаев пыток, в том числе введение в апреле 2012 года новой статьи Уголовного кодекса, предусматривающей уголовную ответственность за применение пыток.

Однако при этом продолжают поступать сообщения о пытках и жестоком обращении с подозреваемыми на ранних этапах содержания под стражей. Это свидетельствует о том, что данная проблема не теряет актуальности. Несмотря на то, что в сентябре 2012 года сотрудника милиции впервые признали виновным в пытках, в целом безнаказанность в стране сохраняется. Нередко сообщается о затягивании судебных экспертиз, неспособности органов прокуратуры принять необходимые меры и отреагировать на отдельные жалобы на пытки либо об отписках, что жалобы безосновательны, без каких-либо объяснений. Кроме того, во многих случаях люди боятся жаловаться на пытки и жестокое обращение, опасаясь мести. Согласно

Уголовно-процессуальному кодексу, полученные под пытками доказательства не допускаются к рассмотрению в суде, однако в течение года судьи ни разу не прибегли к исключительным мерам.

Как показали исследования Amnesty International, большинство лиц, экстрадированных либо иным путём возвращённых или отправленных в Таджикистан, на протяжении нескольких недель после возвращения удерживают под стражей без связи с внешним миром, что усугубляет риск применения к ним пыток и жестокого обращения. Согласно исследованиям организации, Таджикистан, в частности, требовал выдачи лиц, обвиняемых либо подозреваемых в принадлежности к запрещённым исламистским организациям и партиям, либо сочувствующих им. Многие такие запросы об экстрадиции Таджикистан направлял России¹¹⁸.

В ноябре 2012 года в ходе рассмотрения периодического доклада Таджикистана Комитет ООН против пыток выразил *озабоченность «по поводу сообщений о просьбах государства-участника об экстрадиции лиц, предположительно являющихся членами запрещённых исламистских групп, которые по возвращении в Таджикистан содержатся, согласно сообщениям, под стражей в режиме строгой изоляции и в одиночных камерах и подвергаются пыткам и/или жестокому обращению со стороны сотрудников правоохранительных органов»*. Согласно сообщению Специального докладчика по вопросу о пытках¹¹⁹, он «получил информацию, свидетельствующую о том, что в Таджикистане носят системный характер похищения, исчезновения, содержание под стражей и принудительные возвращения в Таджикистан, содержания без связи с внешним миром и одиночное содержание в помещениях Государственного комитета национальной безопасности или Шестого управления, а также переводы в следственные изоляторы, находящиеся в ведении этих учреждений, и допросы, в течении нескольких месяцев».

После 2010 года Европейский суд по правам человека вынес решения по нескольким делам о том, что граждане Таджикистана подвергаются реальной угрозе пыток, и что их права в рамках статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека будут нарушены в случае экстрадиции в Таджикистан. Например, в деле «Гафоров против России», суд подчеркнул, что «*доказательства из ряда объективных источников описывают тревожную ситуацию в Таджикистане*», и сослался на международные правозащитные организации, которые описывали характер пыток как «систематический», «широко распространённый» и «обыденный»¹²⁰. В апреле 2013 года ЕСПЧ в решении по делу «Савриддин Джураев против России» суд упомянул «*контекст притеснения нетрадиционных религиозных групп со стороны властей Таджикистана*». Суд постановил, что это «*повысило риск того, что [Савриддин Джураев] может быть подвергнут жестокому обращению в заключении с целью добиться от него признаний в связи с его религиозной деятельностью*».¹²¹

По мнению Amnesty International, многим из тех, чьей экстрадиции требует Таджикистан, в случае возвращения в страну грозят пытки и жестокое обращение.

МУХАМАД АХАДОВ

Мухамада Ахадова задержали в Московской области в 2007 году. Его удерживали

под стражей всё время, пока рассматривался запрос Таджикистана о его экстрадиции в связи с обвинениями в нарушении неприкосновенности жилища, незаконном обороте наркотиков и препятствовании правосудию. Двадцать девятого сентября 2008 года Верховный суд Российской Федерации принял решение о его экстрадиции, и в тот же день сотрудники Генеральной прокуратуры передали его таджикистанским должностным лицам из Министерства внутренних дел Таджикистана (МВД) в московском аэропорту Внуково. Семнадцатого ноября 2010 года Мухамад Ахадов пожаловался в Генеральную прокуратуру, описав, как по прибытии в Душанбе его доставили в здание Шестого отдела МВД: *«они избивали меня, насиловали. Поздно вечером в... кабинете двое из ответственных сотрудников сняли с меня всю одежду, связали по рукам и ногам. Со стороны этих людей в погонах я был подвергнут зверскому сексуальному насилию... Когда один из них... насиловал меня, другой заснял этот ужасный процесс на фотоаппарат»*. По словам Мухамада Ахадова, силовики угрожали ему, что если тот не напишет явку с повинной, они сделают так, что фотографии изнасилования увидит весь Таджикистан. Мухамад Ахадов рассказал, что со слов должностных лиц его обвиняли ещё в одном преступлении, которое не было указано в запросе об экстрадиции. По его утверждениям, милиционеры продолжали ежедневно пытаться его вплоть до третьего октября 2008 года, когда его перевели в ИВС в Душанбе. Как сообщил Мухамад Ахадов, там его вновь подвергал жестокому обращению сотрудник МВД. Мухамад Ахадов пожаловался в Генеральную прокуратуру Таджикистана, и по заявлению о пытках провели расследование. В октябре 2008 года в отношении двоих сотрудников шестого отдела МВД возбудили уголовное дело. Однако, как сообщалось, эти должностные лица покинули страну.

Мухамада Ахадова приговорили к девяти годам лишения свободы за незаконное проникновение в жилище¹²². Он обратился в Генеральную прокуратуру с просьбой о расследовании своей жалобы. Насколько известно Amnesty International, Генеральная прокуратура не приняла никаких мер в этой связи.

В сентябре 2010 года Европейский суд по правам человека вынес решение по делу Махмадрузи Искандарова. Он обратился в суд после принудительного возвращения из России в Таджикистан в апреле 2005 года¹²³. Согласно постановлению суда, его экстрадиция является нарушением статьи 3 Европейской конвенции. При этом суд заявил, что российские власти *«не предприняли абсолютно никаких попыток оценить угрозу жестокого обращения, с которой заявитель мог столкнуться в Таджикистане»*.

Таджикистанское законодательство не предусматривает положений, запрещающих экстрадицию лиц в страну, где им грозят пытки (принцип невозвращения). Вопросы экстрадиции в основном регулируются двусторонними соглашениями и региональными инструментами, такими как Минская и Кишинёвская конвенции, а также Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом¹²⁴. Процедура обжалования решения об экстрадиции на основании опасений пыток и других видов жестокого обращения неясна.

Генеральная прокуратура — единственное ведомство, в чьём ведении находятся вопросы экстрадиции.

8.4 ТУРКМЕНИСТАН

Со дня провозглашения независимости в 1991 году **Туркменистан** оставался закрытым для международного надзора. Несмотря на смену президента в 2007 году и некоторые новые признаки открытости, появившиеся в 2011 и 2012 годах, ситуация остаётся прежней. Ни одной независимой международной организации не позволили отслеживать положение с правами человека. Кроме того, страна отказывается всесторонне сотрудничать с правозащитными механизмами ООН. В марте 2012 года Комитет ООН по правам человека пришёл к выводу, что хотя Туркменистан продемонстрировал «новую волю» к улучшению ситуации с правами человека, на деле сохраняется огромный разрыв между законодательством и его применением на практике.

Amnesty International получала сообщения о том, что в Туркменистане лица, подозреваемые в совершении уголовных преступлений, систематически подвергаются пыткам и жестокому обращению. Как сообщалось, в числе виновников были сотрудники полиции, Министерства национальной безопасности и тюрем. Кроме того, Amnesty International получила достоверные сообщения о пытках и жестоком обращении в отношении правозащитников, журналистов, представителей некоторых религиозных меньшинств, сознательных отказчиков от военной службы, а также лиц, которых называют «предателями родины» в связи с предполагаемым покушением на жизнь бывшего президента Сапармурата Ниязова в ноябре 2002 года.

Согласно официальной линии властей, сторонники оппозиции совершили вооружённое нападение на президентский кортеж в столице страны Ашхабаде, попытавшись убить президента и свергнуть конституционный строй. В результате предполагаемого покушения президент остался невредим, однако оно повлекло за собой новую волну репрессий. Десятки людей подверглись насильственному исчезновению. Не менее 59 человек были осуждены по итогам несправедливых судебных процессов с декабря 2002 по январь 2003 года. Среди осуждённых — Борис Шихмурадов, занимавший пост министра иностранных дел с 1995 по 2000 год, его брат Константин Шихмурадов и Батыр Бердыев, занимавший должность министра иностранных дел с 2000 по 2001 год и представителя Туркменистана в ОБСЕ. Их приговорили к лишению свободы на сроки от пяти лет до пожизненного заключения за предполагаемую причастность к покушению. Многих из них называли «предателями родины». В большинстве случаев предъявленные обвинения включали «заговор с целью насильственного захвата власти и изменения конституционного строя», «посягательство на жизнь президента» и «организация преступного сообщества и участие в преступном сообществе».

Бориса Шихмурадова приговорили к 25 годам лишения свободы по итогам закрытого судебного процесса 29 декабря 2002 года. Как сообщалось, на следующий день Народный совет (Халк Маслахаты) ужесточил наказание, продлив его до пожизненного срока. Его брата Константина Шихмурадова приговорили к лишению свободы на 17 лет, а Батыра Бердыева — к 25 годам лишения свободы.

Как сообщалось, многих из тех, кто обвинялся в причастности к предполагаемому покушению, а также их родственников, подвергали пыткам, жестокому обращению и психологическому давлению, заставляя дать признательные показания о причастности к покушению и инкриминировать других лиц. На ряд задержанных оказывали давление, вынудив их сделать публичные признания либо публично донести на своих родителей. «Признания» Батыра Бердыева и Бориса Шихмурадова передали по телевидению 18 и 29 декабря 2002, соответственно. Кроме того, сообщалось, что текст признаний им продиктовали. Как стало известно, у нескольких десятков задержанных, осуждённых по итогам серии закрытых судебных процессов, не было защитников. Некоторые адвокаты, представляющие обвиняемых в суде, по имеющимся сведениям, начинали свои выступления словами *«мне стыдно защищать такого человека, как Вы»*.

Обвиняемых заставили подписать документ о том, что они ознакомились с материалами уголовных дел и обвинительными заключениями, не дав им возможности изучить эти документы. Сообщалось, что многим в период пребывания под стражей отказывали в необходимой медицинской помощи.

Власти продолжают скрывать сведения о местонахождении этой группы заключённых, отказывать им в свиданиях с родственниками и представителями независимых организаций. Кроме того, власти никак не реагируют на утверждения о том, что по меньшей мере восемь из этих людей скончались, находясь под стражей. Родственникам и адвокатам не удалось посетить их или хотя бы узнать об их судьбе и местонахождении.

Другой пример содержания под стражей без связи с внешним миром касается бывшего начальника пограничной службы Туркменистана Тикриша Тырмыева, которого в 2002 году приговорили к десяти годам лишения свободы за превышение служебных полномочий. Его родственникам ничего не известно о его местонахождении с мая 2002 года. В марте 2012 года им сообщили, что незадолго до истечения назначенного ему срока Тикриша Тырмыева приговорили ещё к семи годам и 11 месяцам лишения свободы якобы за преступление в отношении охранника.

Насколько известно Amnesty International, ни по одному утверждению о пытках в делах, связанных с покушением 2002 года, на сегодняшний день расследований не проводилось. Беснаказанность пыток и жестокого обращения в Туркменистане стала нормой, а потерпевшие чаще всего предпочитают не жаловаться.

Пытки и жестокое обращение применяются с целью получить признания и другую инкриминирующую информацию, а также с целью запугать задержанных. Виды пыток и жестокого обращения, о которых сообщали Amnesty International, включали электрошок, удушение посредством полиэтиленовых пакетов и противогазов с перекрытием доступа воздуха, изнасилования, принудительное введение психотропных препаратов, избиение палками, дубинками или пластиковыми бутылками, наполненными водой, нанесение ударов кулаками и ногами, лишение пищи и воды, а также крайнее переохлаждение.

Европейский суд по правам человека также признал, что по возвращении на родину гражданам Туркменистана грозят пытки¹²⁵. Суд отметил многочисленные и достоверные сообщения о пытках и других видах жестокого обращения в отношении подозреваемых со стороны туркменистанских силовых структур. В 2008 году Европейский суд вынес решение по делу «Рябкин против России»¹²⁶ о том, что заявителю (русскому, имеющему гражданство Туркменистана) в случае возвращения в Туркменистан грозят пытки и жестокое обращение, отчасти по причине национальной принадлежности, и что в Туркменистане ему грозит длительное содержание под стражей в суровых условиях, и, возможно, содержание под стражей без связи с внешним миром.

ГЕЛЬДЫМУРАД НУРМУХАМЕДОВ

Пятого октября 2012 года бывшего министра культуры Гельдымурада Нурмухамедова¹²⁷ задержали и отправили в наркологический центр на территории Туркменистана. Высказывались опасения, что там его могли подвергнуть принудительному лечению, по всей видимости, в качестве мести за публичную критику властей Туркменистана. После ареста Гельдымурада Нурмухамедова отправили в наркологический центр в Дашогузе на срок до шести месяцев с целью лечения от предполагаемой наркозависимости. Amnesty International исследовала данный вопрос и не обнаружила каких-либо доказательств того, что Гельдымурад Нурмухамедов когда-либо употреблял наркотики. По мнению организации, не исключено, что он стал объектом преследования в связи с политической деятельностью. В декабре 2011 года в интервью радио «Свободная Европа»/радио «Свобода» он подверг критике правительство Туркменистана за отсутствие демократии и несоблюдение прав человека в стране и назвал правящую Демократическую партию Туркменистана «по сути незаконной». Несколько дней спустя власти закрыли строительную фирму, принадлежавшую родственникам Гельдымурада Нурмухамедова.

8.5 УЗБЕКИСТАН

Положение с правами человека в **Узбекистане** значительно ухудшилось после майских событий 2005 года в Андижане, когда силовики открыли огонь по тысячам преимущественно безоружных людей, в том числе женщинам и детям, собравшимся в центре города с целью протеста против правительства, а также по убегающим демонстрантам.

Несмотря на многократные уверения Узбекистана в том, что пытки в стране практикуются значительно реже, Amnesty International по-прежнему получает сообщения о повсеместных пытках и других видах жестокого обращения с задержанными и заключёнными. Согласно этим сообщениям, в большинстве случаев власти не проводили своевременных, беспристрастных и эффективных расследований по фактам утверждений о применении пыток и других видов жестокого обращения. Организация также обеспокоена тем, что тысячи мусульман в Узбекистане, осуждённых по итогам несправедливых судебных процессов за предполагаемую принадлежность к запрещённым исламистским организациям, содержатся в условиях, равносильных жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению.

Положение с пытками и другими видами жестокого обращения с задержанными в СИЗО и заключёнными также отмечалось органами ООН, в том числе Специальным докладчиком по вопросу о пытках. В 2003 году последний указал на «систематический» характер пыток в Узбекистане, а Комитет ООН против пыток по итогам периодического обзора Узбекистана в 2007 году пришёл к выводу, что пытки в местах содержания под стражей носят «обыденный» характер и происходят «безнаказанно».

Как показывают исследования Amnesty International, Узбекистан неустанно добивается экстрадиции или принудительного возвращения сотен людей, которые подозреваются в организации ряда предполагаемых террористических актов в Узбекистане, в том числе взрывов в Ташкенте в 1999 и 2004 годах, андижанских протестов в 2005 году и других актов насилия, включая нападения с применением взрывных устройств и стрелкового оружия со стороны вооружённых группировок в Ташкенте и Ферганской долине в 2009 году. Кроме того, Узбекистан продолжает требовать выдачи множества лиц, которые подозреваются в принадлежности либо сочувствии запрещённым исламистским организациям и партиям, причём не только из сопредельных стран, России и Украины, но и из других стран мира, включая государства Евросоюза, Турцию, США, Австралию, Египет, Иран, Объединённые Арабские Эмираты и Малайзию.

За последние четыре года Европейский суд по правам человека вынес не менее 20 решений, запрещающих возвращать лиц в Узбекистан, особенно тех, кто обвиняется в принадлежности к запрещённым в стране исламистским партиям и организациям на том основании, что в случае возвращения им грозят пытки и жестокое обращение. Например, 10 июня 2010 года суд вынес решение по делу «Гараев против Азербайджана», постановив, что экстрадиция Шаига Гараева из Азербайджана в Узбекистан станет нарушением Европейской конвенции о защите прав человека. Суд заявил, что *«любому лицу, подозреваемому в совершении уголовного преступления [в Узбекистане] грозит серьёзная опасность пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения — как с целью получения признательных показаний, так и в качестве наказания за преступление»*.

Как показывают исследования Amnesty International, большинство лиц, принудительно возвращённых в Узбекистан по запросу узбекистанских властей, удерживаются под стражей без связи с внешним миром, что усугубляет риск пыток и жестокого обращения. Описанные ниже два случая являются типичными примерами того, что происходит по возвращении в Узбекистан с людьми, которых обвиняют в антигосударственной деятельности.

РУХИДДИН ФАХРУДДИНОВ

В сентябре 2006 года ташкентский суд приговорил бывшего имама одной из столичных мечетей Рухиддина Фахруддинова к 17 годам лишения свободы в колонии строгого режима по итогам несправедливого судебного процесса. В ноябре 2005 года его в принудительном порядке возвратили из Казахстана, где он скрывался с 1998 года, и удерживали под стражей без связи с внешним миром в Ташкенте вплоть до марта 2006 года. Его адвокат подтвердила слова своего

подзащитного о том, что, находясь под стражей без связи с внешним миром, он подвергался длительным пыткам: его заставляли сознаться в терроризме, «экстремизме» и попытке свержения конституционного строя. Кроме того, силовики запугивали родственников Рухиддина Фахруддинова и угрожали им насилием, если тот не даст признательных показаний. По словам его отца, он признал только то, что будучи имамом в мечети, преподавал детям Коран, и что он незаконно пересёк границу по поддельным документам, когда ему пришлось покинуть Узбекистан в ноябре 2005 года. Как сообщалось, судья не обратил внимания на жалобу Рухиддина Фахруддинова в зале суда на то, что его «признание» было получено в результате пыток, и рассмотрел его в качестве доказательства против Рухиддина Фахруддинова на судебном процессе.

ДИЛОРОМ АБДУКАДЫРОВА

Дилором Абдукадырова бежала из Узбекистана в мае 2005 года после участия в андижанской демонстрации, оставив мужа и детей. Она получила статус беженки в Австралии. Женщина вернулась в Узбекистан в январе 2010 года, получив гарантии властей, что с ней ничего не случится. Однако сразу по прибытии в ташкентский аэропорт её задержали на четыре дня. В марте 2010 года её вновь задержали и две недели удерживали в милиции, не допуская к ней ни адвоката, ни родственников. В конечном итоге в апреле 2010 года она предстала перед судом по обвинению в посягательстве на конституционный строй и незаконном пересечении границы Узбекистана в связи с её участием в беспорядках 2005 года в Андижане. Тридцатого апреля 2010 года Дилором Абдукадырову приговорили к 10 годам и двум месяцам лишения свободы по итогам несправедливого судебного процесса. Родственники сообщили, что на суде она выглядела измождённой, на лице у неё были синяки, и она избегала зрительного контакта с родственниками. Последние также считают, что её заставили явиться в суд без головного платка, хотя она — глубоко верующая мусульманка. Как сообщалось, в 2012 году по итогам закрытого суда в тюрьме Дилором Абдукадыровой продлили срок приговора ещё на восемь лет за то, что она якобы умышленно нарушала тюремный режим.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Устав Управления Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев, резолюция ГА ООН № 428 (V), приложение, Генеральная Ассамблея, официальные отчёты, пятая сессия, дополнение № 20, стр. 50, A/1775 (1950).

2. Международное право полностью запрещает возвращение людей при реальной угрозе пыток и жестокого обращения, и эта норма не предусматривает ни исключений, ни частичной отмены.

3. В апреле 2008 года в деле «Исмоилов и другие против России» (Ismoilov and Others v. Russia) Европейский суд по правам человека выразил обеспокоенность в связи с тем, что Россия ставит антитеррористические операции превыше прав людей, которым грозит экстрадиция в Узбекистан. В своём постановлении суд заявил, что «не считает убедительным аргумент Правительства, согласно которому у него имеется международно-правовое обязательство сотрудничать в борьбе с терроризмом, и оно обязано экстрадировать заявителей, которым предъявлены обвинения в террористической деятельности, независимо от угрозы дурного обращения в запрашивающей стране».

4. Например, Шанхайские соглашения о сотрудничестве и Минская конвенция.

5. ИДУ, известное также как Исламское движение Туркестана, — исламистская оппозиционная группировка, изначально сформировавшаяся в Узбекистане. Она выступает за насильственное свержение президента Узбекистана Ислама Каримова и установление халифата (исламского государства). ООН и США относят ИДУ к террористическим организациям, и оно запрещено во всех пяти центрально-азиатских республиках. Сейчас его базы находятся на севере Афганистана и в зоне племён пакистанского Вазиристана.

Группировка СИД (ранее «Группа исламского джихада») откололась от ИДУ в 2002 году и также базируется в зоне племён Пакистана. Считается, что СИД стоит за нападениями в Узбекистане в 2004 году, а также за попыткой организовать взрывы в Германии в 2007 году. ООН и США также относят СИД к террористическим группировкам.

«Хизб ут-Тахрир» («Партия освобождения») — межнациональное исламское движение, начало которому было положено на Ближнем Востоке. Оно тоже призывает к созданию халифата в Центральной Азии и запрещено во всех пяти республиках Центральной Азии. В России с 2003 года оно считается террористической организацией. В своих официальных публикациях «Хизб ут-Тахрир» не выступает за насилие как средство достижения своих целей.

Данный список не является исчерпывающим. Подробнее см. в материале <http://www.currenttrends.org/research/detail/radical-islamists-in-central-asia> (на англ. яз).

6. «Нурджулар» — термин, которым спецслужбы региона называют последователей турецкого мусульманского богослова Саида Нурси, жившего в XIX веке. В Узбекистане и России это движение признано «экстремистским». В Узбекистане на несправедливых судебных процессах несколько сотен его последователей и предполагаемых последователей были осуждены за членство в незаконной организации. «Джамаат Таблиг» («Общество распространения веры») возник в Индии в 1927 году как мирное движение мусульманских миссионеров. Его последователи обязуются вести аскетический образ жизни и заниматься миссионерской и благотворительной работой. В Центральной Азии и других странах СНГ он развивался с 1990-х годов, и в 2004 году пополнил список организаций, считающихся в СНГ «экстремистскими».

Салафизм — исламская школа религиозной мысли, не объединённая никаким международным движением. Салафиты в общем случае верят в буквальную интерпретацию Корана и хадиса (изустные предания о мусульманском пророке Мухаммеде) и отвергают более либеральные трактовки текстов. В большинстве стран СНГ в салафитах видят угрозу национальной безопасности.

Ваххабизм — ответвление суннитского ислама, получившее широкое распространение в

Саудовской Аравии. В Центральной Азии власти используют термин «ваххабиты» для обозначения более широкой группы мусульман, которые ходят в негосударственные мечети, и исламских религиозных групп, которые власти не одобряют или подозревают в «фундаментализме» и «экстремизме».

7. На английском языке: renditions.

8. Международная комиссия юристов: <http://ejp.icj.org/IMG/EJP-Report.pdf> (на англ. яз.).

9. Подробнее о пытках и жестоком обращении в Центральной Азии см. в Приложении 1.

10. См. заявление Amnesty International "Tajikistan urged to disclose whereabouts of suspect held incommunicado" («Таджикистан должен сообщить о местонахождении подозреваемого, удерживаемого без связи с внешним миром», на англ. яз.), 5 ноября 2012 года, индекс AI: EUR 60/010/2012 <http://www.amnesty.org/en/library/info/EUR60/010/2012/en>; UA Tajikistani man facing extradition and torture («АСП „Таджику грозит экстрадиция и пытки“», на англ. яз.): UA 7/13, индекс: MDE 25/001/2013, 11 января 2013 года; заявление "Ukraine: Authorities must not return former Prime Minister to torture in Tajikistan" («Украина: власти не должны возвращать бывшего премьер-министра в Таджикистан, где ему грозят пытки», на англ. яз.), индекс: EUR 50/001/2013, 4 марта 2013 года <http://www.amnesty.org/en/library/info/EUR50/001/2013/en>; «Троим узбекам грозит экстрадиция из России» <http://amnesty.org.ru/node/2515>.

11. Как говорится во введении, этот список не исчерпывающий. К запрещённым в Центральной Азии мусульманским движениям и исламистским партиям также относятся салафиты и «Джамаат Таблиг».

12. 13 мая 2005 года сотрудники силовых структур открыли огонь по преимущественно безоружным демонстрантам, собравшимся в центре Андижана (Узбекистан). В результате сотни человек (включая женщин и детей) были убиты. Власти заявили, что акция протеста представляла собой вооружённый мятеж, организованный представителями запрещённых исламистских группировок, действующих на территории Узбекистана и за его пределами. Силовики стреляли по демонстрантам как во время акции, так и тогда, когда те начали разбегаться. Были убиты сотни людей, в том числе женщины и дети. Около 500 манифестантов, включая женщин, детей и десятки мужчин, которых власти обвиняют в организации вооружённого мятежа, сумели перейти границу и скрыться в соседнем Кыргызстане. Оттуда УВКБ ООН вывезло их в конце августа 2005 года в безопасное место в Румынии. После андижанских событий власти жёстко подавляли любое проявление инакомыслия и всеми силами старались не допускать появления независимой информации о жертвах. Под стражу взяли сотни демонстрантов. Сообщалось, что с ними жестоко обращались. Свидетелей запугивали. Журналисты и правозащитники столкнулись с притеснениями, избиениями и задержаниями; некоторых арестовали по серьёзным уголовным обвинениям. На несправедливых судебных процессах, большинство из которых проходили втайне или за закрытыми дверями, сотни людей признали виновными в «терроризме» и приговорили к длительным срокам лишения свободы за то, что они якобы участвовали в мятеже.

13. 10 июня 2010 года стычки между кыргызскими и узбекскими молодёжными группировками в городе Ош на юге Кыргызстана быстро переросли в крупномасштабные беспорядки. В последующие четыре дня в Ошской и Джалал-Абадской областях происходили массовые поджоги, грабежи и нападения, в том числе убийства и изнасилования, которые в большей мере затронули районы компактного проживания узбеков. В результате беспорядков погибли сотни людей, и сотням тысяч пришлось бежать, бросив свои дома. В большинстве своём эти люди являлись узбеками по национальности. Восстановление порядка в регионе омрачилось серьёзными нарушениями прав человека. Среди прочего, отовсюду поступали сообщения, что сотрудники силовых структур превышают силу, произвольно задерживают людей, пытаются и подвергают жестокому обращению задержанных (в основном этнических узбеков) при перевозке и во время содержания под стражей.

14. Например, в сентябре 2008 года из России в Таджикистан экстрадировали Мухаммада Ахадова в связи с предполагаемой причастностью к краже и торговле наркотиками. По его словам, сотрудники Управления МВД по борьбе с организованной преступностью в городе Душанбе пытали и насиловали его (подробнее см. Приложение 1).

15. «Кабулов против Украины» (Kaboulov v. Ukraine), окончательное решение Европейского суда по правам человека от 10 мая 2010 года (жалоба № 41015/04). [http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-95771#{"itemid":\["001-95771"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-95771#{) (на англ. яз.)

16. «Махмуджан Эргашев против России» (Makhmudzhan Ergashev v. Russia), постановление Европейского суда по правам человека от 16 октября 2012 года (жалоба № 49747/11).

17. «Гафоров против России» (Gaforov v. Russia), постановление Европейского суда по правам человека от 21 октября 2010 года (жалоба № 25404/09). Суд отметил, что «ряд объективных источников свидетельствуют о том, что ситуация в Таджикистане является тревожной», и со ссылкой на международные правозащитные организации описал практику применения пыток как «систематическую», «широко распространённую» и «повсеместную». По состоянию на май 2013 года ЕСПЧ также принял решения по делам Искандарова, Хайдарова и Ходжаева, а также Асимова и Савриддина Джуроева.

18. «Гарабаев против России» (Garabayev v. Russia), окончательное решение Европейского суда по правам человека от 30 января 2008 года (жалоба № 38411/02), http://www.univie.ac.at/bimtor/dateien/ecthr_2008_garabayev_vs_russia.doc (на англ. яз.). «Рябкин против России» (Ryabikin v. Russia), постановление Европейского суда по правам человека от 19 июня 2008 года (жалоба № 8320/04). «Солдатенко против Украины» (Soldatenko v. Ukraine), постановление Европейского суда по правам человека от 23 октября 2008 года (жалоба № 2440/07). «Колесник против России» (Kolesnik v. Russia), постановление Европейского суда по правам человека от 17 июня 2010 года (жалоба № 26876/08).

19. «Гараев против Азербайджана» (Garayev v. Azerbaijan), постановление Европейского суда по правам человека от 10 июня 2010 года (жалоба № 53688/08). Суд постановил, что экстрадиция Шаига Гараева из Азербайджана в Узбекистан нарушит Европейскую конвенцию о защите прав человека. Суд отметил, что «любому подозреваемому в уголовном преступлении, находящемуся под стражей [в Узбекистане], грозит серьёзная опасность пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, которые применяются как для того чтобы выбить признание, так и для того чтобы наказать за преступление». На момент подготовки доклада ЕСПЧ принял 13 решений касательно экстрадиций из России в Узбекистан.

20. «Чахал против Соединённого Королевства» (Chahal v. UK), постановление Европейского суда по правам человека от 15 ноября 1996 года (жалоба № 70/1995/576/662). В решении говорится: «Суд полностью отдаёт себе отчёт в том, с какими огромными трудностями сталкивается в наши дни государство, защищая население своей страны от насилия со стороны террористов. Однако, даже учитывая эти обстоятельства, Конвенция полностью запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от поведения жертвы. [...] Так, если доказано, что имеются веские основания полагать, что данное лицо в случае выдворения столкнется с реальным риском стать жертвой [пыток и жестокого] обращения [...], возникает обязанность государства-участника Конвенции защитить лицо от такого обращения [...]. При таких обстоятельствах деятельность конкретного лица, о котором идёт речь, какой бы нежелательной и опасной она ни была, не может приниматься в расчёт» (§§79–80).

21. Все страны СНГ, кроме Узбекистана, ратифицировали Конвенцию ООН о статусе беженцев 1951 года.

22. Часть F статьи 1: «Положения настоящей Конвенции не распространяются на всех тех лиц, в отношении которых имеются серьёзные основания предполагать, что они: а) совершили преступление против мира, военное преступление или преступление против человечности в определении, данном этим деяниям в международных актах, составленных в целях принятия мер в отношении подобных преступлений; б) совершили тяжкое преступление не политического характера вне страны, давшей им убежище, и до того как они были допущены в эту страну в качестве беженцев; в) виновны в совершении деяний, противоречащих целям и принципам Организации Объединённых Наций».

23. Часть 2 статьи 33: «Это постановление, однако, не может применяться к беженцам,

рассматриваемым в силу уважительных причин как угроза безопасности страны, в которой они находятся, или осуждённым вошедшим в силу приговором в совершении особенно тяжкого преступления и представляющим общественную угрозу для страны».

24. Заявление о предварительных результатах посещения Республики Таджикистан, сделанное Специальным докладчиком ООН по вопросу о пытках Хуаном Мендесом по завершении визита, который проходил с 10 по 18 мая 2012 года, <http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=12166&LangID=R>.

25. Согласно статьям 55 и 56 Устава ООН, государства обязуются соблюдать и уважать права человека, а в статье 103 говорится, что «[в] том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу». Таким образом, подтверждается первичность соблюдения принципа невозвращения по отношению к соглашениям об экстрадиции.

26. Созданная в основном по инициативе Китая, эта организация описывается как «главная сила» в борьбе с «терроризмом». Одной из её ключевых целей, очевидно, является подавление деятельности уйгурских националистов в СУАР и в Центральной Азии. Из-за общей границы с Китаем и большой доли уйгурского населения Казахстан и Кыргызстан чаще других становятся местом, куда в первую очередь бегут уйгуры из СУАР. Одновременно с этим они, пожалуй, являются самыми небезопасными для уйгуров странами с точки зрения получения убежища. В рамках проводимой в СУАР политики Китай приложил гигантские усилия, чтобы обеспечить сотрудничество центральноазиатских соседей в части возвращения на родину уйгуров, подозреваемых в том, что они «сепаратисты, террористы или религиозные экстремисты». И благодаря ШОС подобные отношения в последние годы лишь укреплялись.

27. Концепция сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (раздел II, пункт 3), Астана, 5 июля 2005 года (http://archive.kremlin.ru/interdocs/2005/07/05/1307_type72067_90911.shtml?type=72067).

28. Декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (раздел III), Астана, 5 июля 2005 года (<http://www.sectsc.org/RU123/show.asp?id=98>).

29. Refugee Protection and Migration Dynamics in Central Asia, Kristina Zitnanova, UNHCR Consultant (Кристина Зитнанова, консультант УВКБ ООН. «Защита беженцев и динамика миграции в Центральной Азии», на англ. яз.), март 2011 года, с. 57.

30. Russian society under control. Abuses in the fight against extremism and terrorism («Российское общество под контролем. Произвол в ходе борьбы с экстремизмом и терроризмом», на англ. яз.), FIDH (http://www.fidh.org/IMG/pdf/Russian_society_under_control.pdf); Shanghai Co-operation Organization: a vehicle for human rights violations («Шанхайская организация сотрудничества — двигатель нарушений прав человека», на англ. яз.), FIDH, 3 сентября 2012 года (http://www.fidh.org/IMG/pdf/sco_report.pdf).

31. Заключительные замечания Комитета ООН по правам человека к шестому периодическому докладу Российской Федерации как государства – участника МПГПП http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/CCPR.C.RUS.CO.6_ru.doc.

32. http://www.cis.minsk.by/russian/cis_doc4.htm

33. Основные запрашиваемые страны в настоящем докладе.

34. Раздел IV, часть I, пункт 1 статьи 56 Минской конвенции гласит: «Договаривающиеся Стороны обязуются в соответствии с условиями, предусмотренными настоящей Конвенцией, по требованию выдавать друг другу лиц, находящихся на их территории, для привлечения к уголовной ответственности или для приведения приговора в исполнение».

35. См. также Refugee Protection and Migration Dynamics in Central Asia, Kristina Zitnanova, UNHCR Consultant (Кристина Зитнанова, консультант УВКБ ООН. «Защита беженцев и динамика миграции в Центральной Азии», на англ. яз.), март 2011 года.

36. Кишинёвская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам подписана 7 октября 2002 года и вступила в силу в апреле 2004 года. Её ратифицировали Азербайджан, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан. Torsten Stein on Extradition in Max Planck Encyclopedia of Public International Law (Раздел Торстена Штайна об экстрадиции из энциклопедии международного публичного права Макса Планка, на англ. яз.), <http://www.mpepil.com/ViewPdf/epil/entries/law-9780199231690-e797.pdf?stylesheet=EPIL-display-full.xsl>.

37. Соглашение между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Российской Федерации о взаимных поездках граждан Республики Узбекистан и граждан Российской Федерации от 30 ноября 2000 года.

38. <http://www.memo.ru/d/141690.html>

39. <http://www.memo.ru/d/141693.html> (на англ. яз.)

40. Согласно уголовно-процессуальному кодексу Казахстана, лиц, объявленных в розыск в связи с обвинениями в уголовных преступлениях в тех странах, с которыми у Казахстана заключены соответствующие соглашения, можно в ожидании экстрадиции удерживать под стражей до 12 месяцев. Последние два года, как правило, арестованных держали под стражей по 12 месяцев, пока суды рассматривают требования об экстрадиции и идёт процесс обжалования. Людей экстрадируют обратно на родину или в страну постоянного проживания практически ровно через год с момента первоначального задержания, несмотря на все протесты задержанных против экстрадиции в связи с реальной угрозой пыток по возвращении. Лишь в считанных случаях люди выходили на свободу по истечении 12-месячного ареста, а ещё реже — до его истечения, после чего им либо разрешали временно остаться на гуманитарных основаниях, либо перебраться в безопасную третью страну.

41. Их имена известны Amnesty International, но не раскрываются из соображений безопасности.

42. См. материалы: <http://www.hrw.org/sites/default/files/reports/ct0610webwcover.pdf> и <http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/International%20Law/i050710summary.pdf> (на англ. яз.).

43. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/extradition.shtml.

44. Согласно международному принципу невозвращения, при реальной угрозе пыток и жестокого обращения человека нельзя выдворять ни при каких обстоятельствах.

45. Полный перечень императивных оснований для отказа см. в статье 3 типового договора о выдаче: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/extradition.shtml.

46. Постановление о возбуждении уголовного дела Исфаринской прокуратуры Таджикистана от 7 ноября 2006 года.

47. Согласно уголовно-процессуальному кодексу Казахстана, лиц, объявленных в розыск в связи с обвинениями в уголовных преступлениях в тех странах, с которыми у Казахстана заключены соответствующие соглашения, можно в ожидании экстрадиции удерживать под стражей до 12 месяцев. Последние два года, как правило, арестованных держали под стражей по 12 месяцев, пока суды рассматривают требования об экстрадиции и идёт процесс обжалования. Людей экстрадируют обратно на родину или в страну постоянного проживания практически ровно через год с момента первоначального задержания, несмотря на все протесты задержанных против экстрадиции в связи с реальной угрозой пыток по возвращении. Лишь в считанных случаях люди выходили на свободу по истечении 12-месячного ареста, а ещё реже — до его истечения, после чего им либо разрешали временно остаться на гуманитарных основаниях, либо перебраться в безопасную третью страну.

48. УПК РФ, части 1 и 6 статьи 463.

49. Постановление № 11 пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 года «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» 50 См., например, дело Бахтияра Мамашева, получившего постановление о депортации без перевода, несмотря на то что он почти не говорит по-русски (см. АСП 150/2, индекс: 46/017/2013).

51. «Russian society under control. Abuses in the fight against extremism and terrorism» («Российское общество под контролем. Прозвола в ходе борьбы с экстремизмом и терроризмом», на англ. яз.), FIDH (http://www.fidh.org/IMG/pdf/Russian_society_under_control.pdf).

52. «Умиров против России» (Umirov v. Russia), постановление Европейского суда по правам человека от 18 сентября 2012 года (жалоба № 17455/11), §120. В своём окончательном решении от 11 февраля 2013 года суд единогласно пришёл к выводу, что экстрадиция заявителя в Узбекистан приведёт к нарушению статьи 3 конвенции.

53. Там же, §119.

54. В ноябре 2011 года КПП постановил, что отказавшись выполнять просьбу комитета не экстрадировать людей, Казахстан нарушил свои обязательства добросовестно сотрудничать в соответствии со статьёй 22 Конвенции против пыток (п. 1.3 решения КПП).

55. Решение, принятое Комитетом против пыток согласно статье 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания на сорок восьмой сессии по сообщению № 444/2010, CAT/C/48/D/444/2010, 11 июля 2012 года, п. 13.9, <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/cat/Rview444sess48.html>.

56. Подробнее см. в докладах Amnesty International: «Left in the Dark: The Use of Secret Evidence in the United Kingdom» («Оставшиеся в темноте: использование секретных доказательств в Соединённом Королевстве», на англ. яз.), индекс AI: 45/014/2012; «Опасные сделки. Европа полагается на „дипломатические гарантии“ неприменения пыток», индекс AI: 01/012/2010, 12 апреля 2010 года.

57. Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции № 60/148 призвала государства «не высылать, не возвращать („refouler“), не выдавать или любым иным образом не передавать какое-либо лицо другому государству, если существуют веские основания полагать, что этому лицу угрожала бы опасность подвергнуться пыткам», и признала, что «наличие дипломатических заверений не освобождает государства от их обязательств по международному праву, касающемуся прав человека, международному гуманитарному и беженскому праву, в частности, обязательств в соответствии с принципом отказа от принудительного возвращения». Кроме того, государства – участники Конвенции о статусе беженцев также обязаны добросовестно выполнять свои обязательства в рамках конвенции. Принятие государствами – участниками конвенции так называемых дипломатических гарантий от стран происхождения или постоянного проживания беженцев или просителей убежища, чьё ходатайство находится в стадии рассмотрения, противоречит целям и задачам конвенции и правилу «договоры должны соблюдаться».

58. «Рустамов против России» (Rustamov v. Russia), постановление Европейского суда по правам человека от 3 июля 2012 года (жалоба № 11209/10), §§120-121; «Отман (Абу Катада) против Соединённого Королевства» (Othman (Abu Qatada) v. United Kingdom), постановление Европейского суда по правам человека от 17 января 2012 года (жалоба № 8139/09), §189(xi). Заключительные замечания Комитета по правам человека, например: Соединённое Королевство, CCPR/C/GBR/CO/6 (2008), п. 12; Россия, CCPR/C/RUS/CO/6 (2009), п. 17; Швеция, CCPR/C/SWE/CO/6 (2009), п. 16 (во всех из них, среди прочего, речь идёт о необходимости «проявлять крайнюю осторожность в использовании таких гарантий и принять чёткие и транспарентные процедуры, позволяющие надлежащим судебным механизмам проводить обзор до осуществления депортации»); Казахстан, CCPR/C/KAZ/CO/1 (2011), п. 13 (добавление о необходимости «обеспечивать, чтобы со всеми лицами, нуждающимися в международной защите, на всех этапах обращались соответствующим и справедливым образом согласно Пакту»). Комитет против пыток занимает явно более категоричную позицию касательно недопустимости гарантий применительно к пыткам, однако также признаёт важность судебного надзора в целом. См. заключительные замечания: Марокко, CAT/C/MAR/CO/4 (2011), п. 9; Германия, CAT/C/DEU/CO/5 (2011), п. 25.

59. «Гафоров против России» (Gaforov v. Russia), постановление Европейского суда по правам человека от 21 октября 2010 года (жалоба № 25404/09). §27.

60. Там же, §103.

61. Там же, §138 со ссылкой на §27.

62. «Исмоилов и другие против России» (Ismoilov and Others v. Russia), постановление Европейского суда по правам человека от 24 апреля 2008 года (жалоба № 2947/06). Власти Узбекистана предоставили РФ гарантии гуманного обращения с Исмоиловым и остальными заявителями.

63. См. АСП 150/2, индекс: EUR 46/017/2013 «Троим узбекам грозит экстрадиция из России»⁷

64. Заключительные замечания Комитета ООН по правам человека к шестому периодическому докладу Российской Федерации
http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/CCPR.C.RUS.CO.6_ru.doc.

65. http://www2.ohchr.org/english/bodies/cat/docs/co/CAT.C.GBR.CO.R.5-%20AUV_en.doc (на англ. яз.), п. 18.

66. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 40 Пакта. Заключительные замечания Комитета по правам человека, Казахстан, ССРР/С/КАЗ/СО/1, п. 13, 19 августа 2011 года,
<http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=CCPR/C/KAZ/CO/1>.

67. Amnesty International, «Опасные сделки. Европа полагается на „дипломатические гарантии“ неприменения пыток», индекс AI: 01/012/2010, с. 14.

68. Решение Комитета против пыток, CAT/C/48/D/444/2010, пп. 13.9 и 13.10.

69. Например, Улугбек Хайдаров – независимый журналист и правозащитник из Узбекистана, бежавший в Казахстан после освобождения из тюрьмы в ноябре 2006 года – сообщил, как в октябре 2006 года в Шымкенте (юг Казахстана) представители силовых ведомств Узбекистана безуспешно пытались похитить его. В ряде других случаев представители российских властей подтвердили, что узбекистанские силовики действовали на территории Российской Федерации. Например, в декабре 2007 года, российские правозащитные организации получили официальное подтверждение тому, что узбекские силовые ведомства задержали просителя убежища в Российской Федерации и передали его российским коллегам. Межгосударственный ордер на арест был выдан уже после задержания и, насколько известно, власти Узбекистана намеренно датировали его задним числом.

70. Насколько известно, силовые ведомства Китая также работают под прикрытием на территории Казахстана; Amnesty International неоднократно получала сообщения о похищении китайскими силовиками просителей убежища из числа уйгуров.

71. Письмо председателя Европейского суда по правам человека представителю Российской Федерации в ЕСПЧ, 25 января 2012 года.

72. Пресс-релиз секретаря суда (ECHR 132 (2013) 25.04.2013)
<http://hudoc.echr.coe.int/webservices/content/pdf/003-4338637-5201898>.

73. «Савриддин Джураев против России», Европейский суд по правам человека (жалоба № 71386/10).

74. Предельный срок содержания под стражей, разрешенный российским законодательством.

75. Действующее российское законодательство предусматривает три статуса, гарантирующих защиту: а) статус беженца – на условиях аналогичных тем, что установлены в Конвенции ООН о

статусе беженцев, хотя на практике статус беженца предоставляется крайне редко; b) политическое убежище – предоставляется президентом Российской Федерации заявителям из стран с особыми условиями. На практике, этот статус получили лишь несколько человек. (ФМС России: <http://www.fms.gov.ru/about/ofstat/index.php>) c) временное убежище – или гуманитарный статус, который предоставляется на один год и может быть продлён в том случае, если условия в стране исхода не изменятся.

76. http://www.bbc.co.uk/russisan/international/2012/03/120308_tadjik_kidnapping_russia_strasbourg.shtml.

77. Пресс-релиз секретаря суда (ECHR 132 (2013) 25.04.2013)
<http://hudoc.echr.coe.int/webServices/content/pdf/003-4338637-5201898>.

78. «Козиев против России», Европейский суд по правам человека, жалоба № 58221/10, Правило 39, 08.10.2010.

79. Муроджон Абдулхаков познакомился с Сухробом Козиевым в период содержания под стражей в московском СИЗО в ожидании экстрадиции.

80. Европейский суд по правам человека, «Абдулхаков против России» (жалоба № 14743/11), постановление от второго октября 2012 года, п. 156.

81. Форма № 1 подшивается к делу для каждого паспорта, выданного властями Узбекистана. Эти формы хранятся в местных отделах МВД, которые занимаются выдачей паспортов.

82. В России сроки содержания под стражей лиц, ожидающих экстрадиции, устанавливаются статьёй 109 Уголовно-процессуального кодекса (УПК), которая регулирует длительность предварительного заключения в зависимости от характера обвинений, предъявленных задержанному в рамках российского законодательства. В случае менее тяжких преступлений предельный срок содержания под стражей составляет шесть месяцев. Лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений, могут быть взяты под стражу на срок, не превышающий 18 месяцев. Эти положения применяются ко всем задержанным, в том числе к лицам, подлежащим экстрадиции. В большинстве случаев, вызывающих обеспокоенность Amnesty International, власти, запрашивающие экстрадицию, обвиняли лиц, подлежащих высылке, в том, что те совершили или подозреваются в совершении тяжких преступлений. Среди них: насильственные преступления против государства или террористические акты; участие или предполагаемое участие в религиозных организациях, запрещённых в стране исхода, либо в организованных преступных группировках; убийства. В течение последних нескольких лет Европейский суд по правам человека неоднократно выносил постановления о нарушении запрета на произвольные задержания по жалобам лиц, задержанных в России в рамках процедур экстрадиционной проверки на срок свыше 18 месяцев, предельно допустимый законом. См. дела «Султанов против России» (жалоба № 15030/09) и «Юлдашев против России» (жалоба № 1248/09). До 2010 года в России люди в ожидании экстрадиции не имели права на судебный пересмотр решения об их взятии под стражу, и поэтому многие из них годами находились под стражей. Так, в период с 2008 по 2010 год Наби Султанов – гражданин Узбекистана – провёл 22 месяца под стражей, ожидая экстрадиции в Узбекистан, без возможности пересмотреть дело в судебном порядке. ЕСПЧ постановил, что Султанова подвергли незаконному и произвольному задержанию, а также усмотрел нарушение его права, предусмотренного статьёй 5.4, о возможности обжаловать законность содержания под стражей в суде. Кроме того, суд постановил, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не предусматривает возможность пересматривать в судебном порядке дела лиц, взятых под стражу с целью экстрадиции, поскольку заявитель не считается субъектом преступления согласно российскому законодательству. Следовательно, в период экстрадиционной проверки он не может воспользоваться правом, гарантирующим возможность обжаловать законность содержания под стражей в России. Благодаря серии таких постановлений суда касательно нарушения статьи 5 ЕКПЧ Россия стала строже соблюдать предельные сроки содержания под стражей для лиц, ожидающих экстрадиции.

83. См. акцию срочной помощи Amnesty International по адресу: <http://amnesty.org.ru/node/1975>, июль 2011 года.

84. <http://amnesty.org.ru/node/1626>, <http://amnesty.org.ru/node/1617>,

<http://amnesty.org.ru/node/1705>, <http://amnesty.org.ru/node/2056>

85. Родственники Исмона Азимова активно протестовали против обвинительного приговора, вынесенного его брату – одному из лидеров партии Объединённая таджикская оппозиция – в период гражданской войны. Адвокат Исмона Азимова утверждает, что его подзащитный не имеет никакого отношения к деятельности ИДУ и характеризует его, как простого мусульманина, не имеющего ничего общего с религиозными фанатиками. По его словам, Исмон Азимов – сторонник оппозиционного политического движения «Ватандор».

86. В соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях два года – предельный срок содержания под стражей в ожидании депортации.

87. См. АСП: 214/11, индекс AI: EUR 46/042/2012, Tajikistani Nationals risk abduction in Russia («Гражданину Таджикистана грозит похищение в России», на англ. яз.).

88. [http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-118605#{"itemid":\["001-118605"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-118605#{) (на англ. яз.).

89. «Кабулов против Украины», Европейский суд по правам человека (жалоба № 41015/04), 10 мая 2010 года.

90. До внесения поправок в Уголовно-процессуальный кодекс Украины в июне 2011 года украинское законодательство не предусматривало положений, регулирующих задержание лиц с целью экстрадиции, в связи с чем их могли бессрочно удерживать под стражей, не уведомляя о сроках и не гарантируя возможность обжаловать задержание. Поправки установили предельный срок содержания под стражей с целью экстрадиции, равный 18 месяцам, с обязательным пересмотром законности задержания каждые два месяца.

91. Выходцев из республик Северного Кавказа чаще других высылают в Россию, несмотря на серьёзную угрозу пыток и жестокого обращения.

92. Согласно российскому законодательству лицо, признанное беженцем и получившее убежище в России в связи с преследованием в стране гражданской принадлежности, а также лицо, ходатайствующее о признании беженцем в России, не подлежат высылке в страну прежнего местожительства. В постановлении от 14 июня 2012 года Верховный Суд Российской Федерации в очередной раз подтвердил запрет на высылку просителей убежища до окончания процедуры обжалования отказа в предоставлении им статуса беженца.

93. Например, с 2012 года Россия экстрадировала следующих просителей убежища: гражданина Узбекистана Исмоилджона Далимова, высланного в январе 2012 года, прежде чем ФМС рассмотрела его жалобу на отказ в предоставлении статуса беженца; гражданина Узбекистана Фарруха Абдумавлонова, высланного первого октября 2012 года, прежде чем его жалоба на отказ в предоставлении статуса беженца была рассмотрена судом первой инстанции; Нурдина Султанмамытова из Кыргызстана, высланного 17 декабря 2012 года, прежде чем его жалоба на отказ в предоставлении статуса беженца была рассмотрена судом первой инстанции; гражданина Узбекистана Рустама Рахматкариева, высланного 27 декабря 2012 года — до того, как истёк срок для обжалования отказа в предоставлении статуса беженца; гражданина Узбекистана Артура Шакурова, высланного 15 января 2013 года, прежде чем его жалоба на отказ в предоставлении статуса беженца была рассмотрена судом первой инстанции; гражданина Казахстана Серика Аликеева, высланного 24 февраля — до того, как истёк срок для обжалования отказа в предоставлении статуса беженца.

94. «Зокидов против России», Европейский суд по правам человека (жалоба № 67286/10), постановление от 5 февраля 2013 года.

95. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьёй 40 Пакта, Заключительные замечания Комитета по правам человека, Казахстан, п. 13, CCPR/C/KAZ/CO/1, 19 августа 2011 года, http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=CCPR/C/KAZ/CO/1&Lang=R.

96. Уйгуры — преимущественно мусульманское национальное меньшинство, по большей части проживающее на территории СУАР. С 1980-х годов права уйгуров систематически и повсеместно нарушались. Такие нарушения включали произвольное помещение под стражу и тюремное заключение, содержание под стражей без связи с внешним миром и жёсткое ущемление свободы вероисповедания, а также культурных и социальных прав. Политика китайского правительства, в том числе в части ограничений на пользование уйгурским языком, жёсткое ущемление свободы вероисповедания и постоянный приток в регион мигрантов из числа хань разрушают обычаи уйгуров и наряду с дискриминацией в сфере трудоустройства разжигают недовольство и межнациональную напряжённость. В период подготовки к пекинской Олимпиаде в 2008 году китайское правительство развернуло агрессивную кампанию, в результате которой тысячи уйгуров арестовали и в произвольном порядке заключили под стражу по обвинениям в «терроризме, сепаратизме и религиозном экстремизме». Четырнадцатого августа 2008 года секретарь Коммунистической партии СУАР Ван Легуан заявил о борьбе с уйгурским сепаратизмом «не на жизнь, а на смерть». Положение уйгуров ухудшилось после ударов по США 11 сентября 2001 года, когда китайские власти воспользовались борьбой с терроризмом как поводом для дальнейшего ущемления прав уйгуров.

97. Статья 35(1) Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года гласит: «1. Договаривающиеся государства обязуются сотрудничать с Управлением Верховного комиссара Организации Объединённых Наций... [в выполнении] его функций, и, в частности, будут содействовать выполнению им обязанностей по наблюдению за применением положений настоящей Конвенции».

98. Руководство по процедурам и критериям определения статуса беженцев (согласно Конвенции 1951 года и Протоколу 1967 года, касающихся статуса беженцев), HCR/IP/4/Eng/REV.1, переиздано, Женева, январь 1992 года, УВКБ ООН, 1979 год, предисловие.

99. УВКБ ООН отслеживает соблюдение Конвенции о статусе беженцев 1951 года и протокола к ней 1967 года (Конвенции 1951 года). В рамках Устава Управления Верховного комиссара ООН (приложение к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 428 (V) от 14 декабря 1950 года) УВКБ поручено предоставлять международную защиту беженцам и другим лицам, чьё положение вызывает тревогу, и совместно с правительствами изыскивать окончательное разрешение проблемы беженцев. Как предусмотрено Уставом (§8(a)), УВКБ выполняет свои обязательства, помимо прочего, путём «содействия заключению и ратификации международных конвенций о защите беженцев, наблюдения за выполнением постановлений этих конвенций и предложения необходимых поправок к ним». Надзорные функции УВКБ ООН также отражены в статье 35 Конвенции 1951 года и в статье II Протокола 1967 года, которые обязывают государства содействовать УВКБ ООН в выполнении его функций, в частности, содействовать выполнению им обязанностей по наблюдению за применением этих инструментов. Отчасти эти надзорные функции осуществляются путём публикации руководств, в том числе а) Руководства по процедурам и критериям по определению статуса беженцев (согласно Конвенции 1951 года и Протоколу 1967 года, касающихся статуса беженцев) (1979 год, переиздано в январе 1992 года и декабре 2011 года) (Руководство) и (b) последующих Руководящих принципов УВКБ ООН по оценке потребностей в международной защите.

100. Статья 12, часть 5 закона Республики Казахстан «О беженцах» предусматривает отказ лицу в предоставлении статуса беженца, «если в отношении данного лица имеются веские основания предполагать, что оно участвует либо участвовало в деятельности террористических, экстремистских, а также запрещённых религиозных организаций, функционирующих в стране гражданской принадлежности либо в стране, откуда оно прибыло».

101. Подлежит пересмотру через 12 месяцев.

102. Например, см. статью 1F Конвенции о статусе беженцев, в которой говорится следующее: «Положения настоящей Конвенции не распространяются на всех тех лиц, в отношении которых имеются серьёзные основания предполагать, что они: а) совершили преступление против мира, военное преступление или преступление против человечности в определении, данном этим деяниям в международных актах, составленных в целях принятия мер в отношении подобных преступлений; б) совершили тяжкое преступление не политического характера вне страны, давшей им убежище, и до того как они были допущены в эту страну в качестве беженцев; в) виновны в совершении деяний, противоречащих целям и принципам Организации Объединённых

Наций».

103. Решение УВКБ ООН о прекращении статуса беженцев в отношении этих лиц основано с одной стороны на его мнении о том, что эти 17 человек по-прежнему испытывают обоснованный страх преследований, а с другой — УВКБ признало, что они не вправе претендовать на защиту в порядке исключения.

104. CAT/C/48/D/444/2010, Сообщение № 444/2010, «Абдусаматов и другие против Казахстана», 11 июля 2012 года <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cat/jurisprudence.htm>.

105. См., например, статью 3 Конвенции ООН против пыток. Дополнительную информацию см. в разделе 3.1.

106. Там же, п. 6.3.

107. УВКБ многократно выражало свою позицию в отношении оснований для исключений в рамках статьи 1F: личную ответственность за преступления в рамках статьи 1F надлежит оценивать в свете соответствующих принципов, стандартов и критериев международного права при общем подходе к исключениям в соответствии с целями Конвенции о статусе беженцев; в этой связи общий подход к исключительным основаниям определяется в свете гуманитарных и правозащитных задач Конвенции о статусе беженцев; положения статьи 1F Конвенции 1951 года об исключениях предусматривают отказ в международной защите в качестве беженцев в отношении лиц, положение которых отвечает критериям, предусмотренным определением беженца, но которых сочли не заслуживающими статуса беженца; для применения исключений в рамках статьи 1F необходимо установить, совершило ли данное лицо подлежащие исключению деяния или участвовало в совершении таковых, решив таким образом вопрос о личной ответственности за эти деяния (при этом во всех случаях необходима индивидуальная оценка фактов); бремя доказывания при обосновании исключений возлагается на компетентный орган, принимающий соответствующее решение. Применение статьи 1F требует установления фактических обстоятельств на уровне серьезных оснований полагать, что «данное лицо совершило деяния, перечисленные в статье 1F, либо участвовало в таковых, и при этом установлена личная ответственность». Для этого необходимы четкие и достоверные доказательства. При этом не требуется решение, доказывающее вину данного лица, аналогичное признанию виновным в уголовном преступлении. Однако в таких случаях необходимо придерживаться достаточно высоких стандартов, чтобы избежать ошибочного применения исключений к беженцам. По мнению УВКБ, критерий «соотношения вероятностей» окажется недостаточным, поскольку надлежащее применение статьи 1F требует оценки соразмерности, при которой серьезность правонарушения, совершенного данным лицом, соизмерима с последствиями применения исключения. В свете вышесказанного не так давно УВКБ заявило: «Таким образом, исключения должны применяться добросовестно, с тем чтобы сохранить целостность института убежища, однако их следует рассматривать в контексте приоритетных гуманитарных и правозащитных задач Конвенции 1951 года. Поскольку исключения являются отступлением от основного права в рамках международного соглашения, призванного обеспечить защиту, они всегда подлежат ограничительному толкованию. Учитывая серьезные последствия, которые могут повлечь за собой исключения, важно применять их с огромной осторожностью и только после всесторонней оценки индивидуальных обстоятельств дела».

108. Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания Манфреда Новака, миссия в Казахстан, A/HRC/13/39/Add.3, 16 декабря 2009 года, стр. 2 и 25.

109. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьёй 40 Пакта, включая заключительные замечания Комитета по правам человека, Казахстан, 102-я сессия, Женева, 11-29 июля 2011 года, CCPR/C/KAZ/CO/1, 19 августа 2011 года.

110. CAT/C/48/D/444/2010, Сообщение № 444/2010, «Абдусаматов и другие против Казахстана», 11 июля 2012 года, пункт 9.3, стр. 15, http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=CAT/C/48/D/444/2010.

111. A/HRC/19/61/Add.2, Миссия в Кыргызстан, стр. 1-2.)
<http://www.ohchr.org/EN/Issues/Torture/SRTorture/Pages/SRTortureIndex.aspx>.
112. <http://physiciansforhumanrights.org/library/reports/ending-impunity-forensic-medical-evaluations-in-kyrgyzstan.html>.
113. Отчёт Международной независимой комиссии по исследованию событий на юге Кыргызстана в июне 2010 года, http://www.k-ic.org/images/stories/kic_report_english_final.pdf.
114. В Кыргызстане срок давности, применимый к этому виду преступления, позволяет прокуратуре возбуждать уголовные дела до истечения семи лет со дня совершения предполагаемого преступления.
115. Махмуджан Ергашев против России, Европейский суд по правам человека (жалоба № 49747/11), 16 октября 2012 года.
116. Amnesty International, индекс AI: EUR 60/004/2012.
117. Специальный докладчик ООН по пыткам представит предварительные результаты своего визита в Республику Таджикистан, Хуан Э. Мендес, 10-18 мая 2012 года
<http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=12166&LangID=R>.
118. Выступая на пресс-конференции 12 июля 2011 года, генеральный прокурор Таджикистана Шерхон Салимзода заявил, что его ведомство ведёт переговоры с Россией, Казахстаном, Китаем и другими государствами о «сотрудничестве по экстрадиции подозреваемых и осуждённых таджикских граждан на их территориях». Он сообщил журналистам, что в 2010 году российские власти передали таджикской стороне около 60 подозреваемых и около 30 в 2011 году.
- 119 Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания Хуана Э. Мендеса, 22-я сессия Совета по правам человека:
www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session22/A-HRC-22-53-Add1_rus.pdf.
120. Гафоров против России, Европейский суд по правам человека (жалоба №25404/09), 21 октября 2010 года. Суд подчеркнул, что «доказательства из ряда объективных источников описывают тревожную ситуацию в Таджикистане» и сослался на международные правозащитные организации, которые описывали характер пыток как «систематический», «широко распространённый» и «обыденный». По состоянию на май 2013 года суд также вынес решения по делам Искандарова, Хайдарова и Ходжаева, а также по делам Азимова и Савриддина Джураева.
121. Пресс-релиз, выпущенный секретариатом Европейского суда по правам человека, №132 (2013) от 25.04.13.
122. Уголовный кодекс Таджикистана, статья 147.1.
123. Махмадрузи Искандаров против России, решение Европейского суда по правам человека от 23/09/2010 (жалоба № 17185/05).
124. В письме из Генеральной прокуратуры к коалиции против пыток в Таджикистане приводится следующая статистика. Экстрадиции из Таджикистана в 2007 году: 1 человек в Кыргызстан; в 2008 году: 2 человека (Туркменистан, Узбекистан); в 2009 году – 4 человека (2 в Россию, 2 в Узбекистан); в 2011 – 5 человек (1 в Россию, 1 в Узбекистан, 2 в Кыргызстан, 1 в Турцию); за первое полугодие 2012 года – 5 человек (1 в Россию, 1 в Узбекистан, 2 в Кыргызстан, в другие страны – 1). В письме говорилось, что Таджикистан экстрадирует граждан стран СНГ на основании Минской и Кишинёвской конвенций о правовой помощи и только под письменные гарантии неприменения пыток. С 2007 по 2012 годы властям Таджикистана в связи с угрозой пыток поступила лишь одна жалоба на постановление об экстрадиции.
125. Гарабаев против России, Европейский суд по правам человека (жалоба № 38411/02), решение от 30 января 2008 года; Рябкин против России, Европейский суд по правам человека

84 ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЫТКАМ

Экстрадиция, принудительное возвращение и выдворение лиц в страны Центральной Азии

(жалоба № 8320/04), решение от 19 июня 2008 года; Солдатенко против Украины, Европейский суд по правам человека (жалоба № 2440/07), решение от 23 октября 2008 года; Колесник против России, Европейский суд по правам человека (жалоба № 26876/08), решение от 17 июня 2010 года.

126. Рябикин против России, Европейский суд по правам человека (жалоба № 8320/04), решение от 19 июня 2008 года.

127. Amnesty International, акция срочной помощи 318/12 индекс: EUR 61/005/2012, Туркменистан, 26 октября 2012 года

**ХОЧУ
ПОМОЧЬ**

**БУДЬ ТО КОНФЛИКТ В ЦЕНТРЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ВНИМАНИЯ ИЛИ
ЗАБЫТЫЙ УГОЛОК ЗЕМНОГО ШАРА,
AMNESTY INTERNATIONAL БОРЕТСЯ
ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ, СВОБОДУ
И ДОСТОИНСТВО ДЛЯ ВСЕХ,
СПЛАЧИВАЯ ОБЩЕСТВЕННУЮ ПОДДЕРЖКУ
НА ТО, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ МИР ЛУЧШЕ**

ЧТО МОЖЕТЕ СДЕЛАТЬ ВЫ?

Активисты во всём мире показали, что можно противостоять силам, угрожающим правам человека. Включайтесь в движение!

■ Вступайте в Amnesty International и включайтесь в борьбу международного движения за прекращение нарушений прав человека. Помогите нам изменить мир к лучшему.

■ Внесите пожертвование в поддержку деятельности Amnesty International

Наш общий голос будет услышан.

☐ Я хочу получить полную информацию о вступлении в Amnesty International

ФИО

Адрес

Страна

Электронная почта

☐ Я хочу внести пожертвование в пользу Amnesty International
(пожертвования принимаются в фунтах стерлингов, долларах США и евро)

Сумма

Снимите указанную
сумму с моей карты

Visa ☐

Mastercard ☐

Номер

Действительна до

Подпись

Отправьте эту форму в представительство Amnesty International в вашей стране.

Информацию о представительствах организации в мире см.:
www.amnesty.org/en/worldwide-sites

Если в вашей стране нет представительства Amnesty International,
отправьте форму по адресу

Amnesty International, International Secretariat, Peter Benenson House,
1 Easton Street, London WC1X 0DW, United Kingdom

amnesty.org.ru

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЫТКАМ

ЭКСТРАДИЦИЯ, ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ И ВЫДВОРЕНИЕ ЛИЦ В СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Силовые ведомства России, Украины и республик Центральной Азии негласно содействуют друг другу в похищении, исчезновении, незаконных выдачах, лишении свободы и пытках людей, разыскиваемых по религиозным, политическим или экономическим мотивам. Регулярность подобных нарушений прав человека позволяет говорить о наличии региональной программы тайных выдач задержанных.

Настоящий доклад обличает то, с какой лёгкостью эти государства добиваются высылки интересующих их лиц из других стран-участниц Содружества Независимых Государств (СНГ). Кроме того, в докладе приведены факты, подтверждающие, что воспринимаемый взаимный интерес этих стран в деле борьбы с терроризмом ставится ими много выше прав лиц, экстрадиции которых они добиваются. В случаях, когда процедура передачи приостанавливается, например, благодаря вмешательству Европейского суда по правам человека, государства-участники СНГ уклоняются от соблюдения норм международного права с целью довести высылку до конца.

В 2011 и 2012 годах сотрудники силовых органов, работающие на территории России и Украины, похищали граждан государств-участников СНГ и принудительно возвращали их в страны Центральной Азии – подчас вопреки распоряжениям Европейского суда. Таким принудительно возвращённым лицам грозит серьёзная опасность пыток и другого жестокого обращения. Лица, задержанные по обвинениям в «религиозном экстремизме» и создании угрозы государственной безопасности, особенно подвержены риску применения пыток и прочих видов жестокого обращения.

amnesty.org

Индекс AI: EUR 04/001/2013
Июль 2013 года

AMNESTY
INTERNATIONAL

